

От книги невозможно оторваться,
она остается в памяти еще долго
после того, как перевернули
последнюю страницу.

The Observer

ОБРАЩАТЬСЯ
С ОСТОРОЖНОСТЬЮ

РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Обращаться с осторожностью

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68691963

Обращаться с осторожностью:

ISBN 978-5-389-21300-5

Аннотация

В маленьком городке в Нью-Гэмишире живет, казалось бы, самая обычная семья: папа, мама и две дочери. Но, к несчастью, младшая дочь, пятилетняя Уиллоу, страдает редким генетическим заболеванием, и любое неосторожное движение может привести к перелому. А потому жизнь Шарлотты и Шона О'Киф состоит из бессонных ночей, растущих счетов, унижительной жалости других родителей и навязчивых мыслей о том, что, если... Что, если бы Шарлотта знала о болезни дочери до ее рождения? Что, если бы все было иначе? Что, если бы их любимая Уиллоу никогда не родилась? И насколько ценна каждая человеческая жизнь? И вот в мучительной попытке свести концы с концами, чтобы покрыть расходы на лечение дочери, Шарлотта решается на отчаянный шаг. Она предъявляет иск о неправомерном рождении своему врачу, не предупредившему ее заранее, что ребенок родится с тяжелой инвалидностью. В случае удачного исхода дела денежные выплаты смогут обеспечить уход за Уиллоу до конца жизни девочки. Перед Шарлоттой возникает

сложная морально-этическая проблема, ведь врач, с которым она решает судиться, ее лучшая подруга...

«Обращаться с осторожностью» – это берущий за душу роман, в котором поднимается проблема ценности человеческой жизни и того, на что мы готовы пойти, чтобы ее защитить.

Содержание

Пролог	7
Шарлотта	7
Часть первая	26
Амелия	28
Шон	47
Шарлотта	58
Шон	71
Марин	83
Пайпер	91
Шарлотта	97
Часть вторая	107
Шарлотта	110
Пайпер	123
Амелия	133
Марин	138
Шон	145
Шарлотта	166
Шон	181
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Джоди Пиколт Обращаться с осторожностью

Jodi Picoult

HANDLE WITH CARE

Copyright © 2009 by Jodi Picoult

Originally published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.

All rights reserved

Перевод с английского Юлии Белолопотко

Серийное оформление и оформление обложки Ильи Ку-
мы

Ранее книга выходила под названием «Хрупкая душа»

© Ю. Белолопотко, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Марджори Роуз.
От ее взгляда распускаются цветы,
с ней можно посплетничать с другого конца
света,
а из дому она не выйдет без адвокатского
портфеля*

*И ты получил то, что хотел от этой жизни?
Получил.
И чего ты так хотел?
Быть любимым, чувствовать себя любимым на
этой земле.
Реймонд Карвер. Поздний фрагмент*

Пролог

Шарлотта

14 февраля 2002 года

Все кругом постоянно разрушается. Бьются стаканы, посуда, автомобили. Ломаются ногти и картофельные чипсы. Можно расторгнуть договор, побить рекорд, укротить нрав лошади или снизить курс доллара. Можно разбить или растопить лед. Можно прерваться на кофе или ланч, вырваться на свободу из тюрьмы. А еще есть рассветы, волнорезы, надломленный голос. Можно разбить цепи. Или нарушить тишину – навсегда.

Последние два месяца беременности я составляла списки подобных вещей в надежде, что роды пройдут легче.

Можно нарушить обещание.

Разбить сердце.

В ночь перед твоим рождением я сидела на кровати и думала, что бы еще добавить к списку. Порылась в тумбочке в поиске карандаша и бумаги, но тут Шон накрыл мое колено теплой ладонью:

– Шарлотта? Все хорошо?

Не успела я ответить, как он крепко прижал меня к себе.

Так я и уснула с полным ощущением безопасности, забыв записать свой сон.

Несколько недель спустя, когда ты уже появилась на свет, я вспомнила, что разбудило меня той ночью: линии раскола. Такие места, где трескается земля. Точки, от которых берет начало землетрясение, где зарождаются вулканы. Другими словами: мир крошится, а твердая почва уходит из-под ног.

Ты родилась в бурю, которую никто не ждал. «Норд-ост», – сказал позже метеоролог, снежная буря, которая шла на север, в Канаду, но вместо этого сменила курс и выплеснула свою ярость на побережье Новой Англии. Новостные ленты убрали репортажи о возлюбленных, которые знали друг друга со школьной скамьи, а встретились снова в доме престарелых и поженились, легенды о сердцах, за которыми стоит история праздника, и вместо этого принялись давать сводки погоды о силе бури, о тех районах, которые остались без электричества из-за непогоды. Амелия сидела за кухонным столом, вырезая из сложенной бумаги валентинки, а я смотрела, как снег собирается в шестифутовые сугробы возле стеклянной двери. По телевизору показывали автомобили, съехавшие с трасс.

Я сощурилась, вглядываясь в экран, рассматривая мигающий синими огнями полицейский внедорожник, подъехавший к перевернутому автомобилю, стараясь понять, не был ли тем офицером в кресле водителя Шон.

От резкого удара по стеклу я вздрогнула.

– Мамочка! – взвизгнула Амелия.

Я повернулась и увидела очередной поток града, от которого на толстом стекле осталась выбоина не больше моего ногтя. Мы смотрели, как она разрастается, становясь величиной с мой кулак.

– Папа все починит позже, – сказала я.

В этот момент у меня отошли воды.

Амелия посмотрела мне под ноги:

– Кажется, авария.

Я, пошатываясь, пошла к телефону, а когда Шон не ответил, позвонила диспетчеру:

– Это жена Шона О’Кифа. У меня начались роды.

Диспетчер предложила прислать бригаду «скорой помощи», но это могло занять некоторое время: участок завалили вызовами из-за дорожных аварий.

– Все хорошо, – сказала я, вспоминая долгие роды с твоей сестрой. – Думаю, еще есть время.

Внезапно я согнулась пополам от такого сильного спазма, что телефон выпал из моих рук. Амелия смотрела на меня круглыми глазами.

– Все в порядке, – соврала я, улыбнувшись так сильно, что заболели лицевые мышцы. – Просто выскользнул телефон.

Я дотянулась до трубки и на этот раз позвонила Пайпер, которой доверяла как никому, не сомневаясь, что только она меня выручит.

– Роды не могли так скоро начаться, – сказала Пайпер, хо-

тя все прекрасно понимала: она была не только моей лучшей подругой, но и акушером-гинекологом. – Кесарево запланировано на понедельник.

– Вряд ли малышка получила напоминание, – ахнула я и стиснула зубы после очередного спазма.

Пайпер не произнесла вслух, о чем мы обе думали: я не могла родить тебя естественным путем.

– Где Шон?

– Я... не... зна-а-аю, Пайпер!

– Дыши, – отозвалась она, и я стала дышать, произнося «ха-ха-хи-хи», как она учила меня. – Позвоню Джianne и скажу, что мы едем.

Джianne, вернее доктор Дель Соль, была акушером-гинекологом из перинатального отделения, которая приехала к нам восемь недель назад по просьбе Пайпер.

– Мы?

– Ты планируешь поехать сама?

Через пятнадцать минут я отделалась от вопросов твоей сестры, усадив ее на диван и включив «Подсказки Бульки». Сама села рядом, накинув зимнее пальто твоего отца, единственное, которое подходило мне по размеру на тот момент.

В первые мои роды сумка уже стояла упакованной возле дверей. У меня был четкий план, я даже прихватила с собой в приемную музыкальное попури. Я знала, что будет больно, но награда превосходила ожидания: встретиться с ребенком, которого мне не терпелось увидеть несколько месяцев.

В первые роды я была так воодушевлена.

Сейчас же я пребывала в ужасе. Внутри тебе было безопаснее, чем снаружи.

В этот момент открылась дверь, и Пайпер моментально заполнила пространство уверенным голосом и ярко-розовой паркой. Позади плелся ее муж Роб, держа на руках Эмму, которая, в свою очередь, несла снежок.

– «Подсказки Бульки»? – спросил Роб, устраиваясь рядом с твоей сестрой. – Знаешь, что это мое самое любимое шоу... после шоу Джерри Спрингера?

Амелия. Я даже не подумала, кто присмотрит за ней, пока я буду в больнице.

– Какая периодичность? – спросила Пайпер.

Схватки были каждые семь минут. Когда накатила очередная волна спазмов, я вцепилась в подлокотник дивана и принялась считать до двадцати. Все это время я смотрела на трещину в стеклянной двери.

От нее разбегались морозные узоры: зрелище, одновременно завораживающее и пугающее.

Пайпер села рядом и взяла меня за руку.

– Шарлотта, все будет хорошо, – пообещала подруга, и я наивно поверила.

В приемном отделении скопились пострадавшие в авариях из-за бурана. Мужчины прикладывали к голове окровавленные полотенца, дети хныкали, сидя на носилках. Пайпер

провела меня мимо всех, направляясь в родильное отделение, где по коридору уже расхаживала доктор Дель Соль. В течение десяти минут мне сделали эпидуральную анестезию и отвезли на кресле в операционную для кесарева сечения.

Я занималась умственными упражнениями: если на потолке в коридоре окажется четное количество люминесцентных ламп, Шон приедет вовремя. Если в лифте мужчин больше, чем женщин, все, что сказали мне врачи, – ошибка. Мне даже не пришлось ни о чем просить Пайпер, она накинула на плечи медицинский халат и вписала Шона как сопровождающего в родах.

– Он приедет, – сказала она, глядя на меня сверху вниз.

Операционная отличалась стерильностью и хромовым блеском. Между маской и шапочкой медсестры только сверкали зеленые глаза. Женщина задрала мою рубашку и протерла живот бетадином. Я запаниковала, когда передо мной появилась стерильная занавеска. А если анестезии в нижней части тела недостаточно и я почувствую скальпель? А если, несмотря на все мои надежды, ты появишься на свет и не выживешь?

Наконец дверь распахнулась. Шон влетел в комнату, принося с собой холодный зимний воздух. Муж прижимал к лицу маску, кое-как набросив на себя медицинский халат.

– Дорогая, прости! Я приехал сразу же, как узнал...

Пайпер похлопала Шона по руке.

– Трое – это уже толпа, – сказала она, отходя от меня, но

прежде пожала руку.

В следующую секунду Шон оказался рядом, согревая ладонями мои плечи. Его мелодичный голос отвлекал от доктора Дель Соль и скальпеля.

– Ты меня так перепугала, – сказал муж. – О чем вы только с Пайпер думали, когда поехали сами?

– А лучше, чтобы ребенок родился на кухонном полу?

Шон покачал головой:

– Могло случиться нечто ужасное.

Под белой тканью появилось тянущее чувство, я резко вобрала воздух в легкие, повернув голову в сторону. И в этот момент я увидела: крупный снимок двадцать седьмой недели, семь переломанных костей, конечности, свернутые, как листья папоротника. «Нечто ужасное уже случилось», – подумала я.

И тут ты заплакала, хотя тебя подняли так, словно ты сделана из сахарной ваты. Но это был не пронзительный чистый крик новорожденного. Ты орала так, будто тебя разрывают на части.

– Осторожнее, – сказала доктор Дель Соль медсестре. – Нужно держать целиком...

Что-то треснуло, словно лопнул пузырь, и вопреки всему ты закричала еще сильнее.

– Боже! – на грани истерики произнесла медсестра. – Это перелом? Это я сделала?

Я постаралась взглянуть на тебя, но могла различить лишь

красную полоску рта и горящие щеки.

Команда врачей и медсестер, которые собрались вокруг, не могла успокоить тебя. Наверное, до самого первого твоего крика в глубине души я верила, что все УЗИ, тесты и диагнозы были ошибочными. До самого первого твоего крика я переживала, что не люблю тебя.

Шон выглянул из-за плеч докторов.

– Она идеальна, – сказал он, поворачиваясь ко мне, но вместо утверждения его слова звучали вопросительно, как поджатый хвостик щенка, ожидавшего одобрения.

Идеальные малыши не плачут так, что у тебя рвется из груди сердце. Идеальные малыши такие внешне и внутренне.

– Не трогайте ее руку, – пробормотала медсестра.

А потом еще одна: «Как ее запеленать, если я не могу даже прикоснуться?»

Все это время ты плакала, орала на такой высокой ноте, какую я еще не слышала.

– Уиллоу, – прошептала я имя, на котором мы сошлись. Мне пришлось убеждать Шона. «Я не согласен, – сказал он. – Это же значит „плакучая ива“». Но мне хотелось дать тебе девиз, имя дерева, которое гнется, но не ломается.

– Уиллоу, – снова прошептала я, и среди этой какофонии – голосов медицинского персонала, гудения приборов и твоего пронзительного от боли крика – ты услышала меня.

– Уиллоу, – сказала я громко, и ты повернулась к источнику звука, будто это слово было сродни моим обьятиям. –

Уиллоу, – повторила я, и ты перестала плакать.

Когда я была на пятом месяце беременности, мне позволили из ресторана, где я тогда работала. Мать главного кондитера сломала бедро, а в тот вечер ждали ресторанный критик из «Бостон глоуб», и меня учтиво попросили: не могу ли я прийти и приготовить шоколадный мильфей с пряным шоколадным мороженым, авокадо и банановым брьюле?

Признаюсь, я повела себя эгоистично. Я казалась себе нерасторопной и толстой, и мне хотелось вспомнить, что раньше я могла не только играть в «поймай рыбку» с твоей сестрой и рассортировывать белье на светлое и темное. Оставив Амелию с няней-подростком, я поехала в «Каперс».

Кухня несколько не изменилась за годы моего отсутствия, хотя новый шеф-повар переставил все в кладовке. Я немедленно расчистила для себя рабочую поверхность и взялась за слоеное тесто. Где-то в середине процесса я уронила кусочек масла, нагнулась поднять его, чтобы никто не поскользнулся и не упал. Стоило мне податься вперед, и я поняла, что уже не могу согнуться пополам, как раньше. Ты притаилась внутри, заставив меня тоже замереть.

– Прости, детка, – громко сказала я и выпрямилась.

Теперь я думаю: возможно, именно тогда ты получила семь переломов? Я уберегла другого человека от падения, но причинила вред тебе?

Ты появилась на свет в начале четвертого, но я не видела тебя до восьми вечера. Каждые полчаса Шон уходил, чтобы узнать новости. «Она на рентгене. У нее берут кровь на анализ. Они думают, что у нее перелом лодыжки». В шесть часов он принес хорошие вести: «Третий тип, – сказал он. – У нее семь заживающих переломов и четыре новых, но она прекрасно дышит». Я лежала на больничной койке и безудержно улыбалась, думая, что я, наверное, единственная мать в родильном отделении, которая рада подобным новостям.

Уже два месяца, как мы знали, что ты родишься с болезнью несовершенного остеогенеза – НО. Эти две буквы алфавита прочно войдут в наш обиход. Из-за недостатка коллагена кости становятся столь хрупкими, что ломаются от простого толчка, поворота, сжатия. Существует несколько типов, но только при двух переломах заметны в утробе, что мы и увидели на УЗИ. Специалист так и не смогла установить, был ли у тебя второй тип, фатальный при рождении, или третий, тяжелый и деформирующий. Я узнала, что за несколько лет ты можешь пережить сотни переломов, но сейчас меня это не волновало: впереди у тебя целая жизнь, чтобы перенести это.

Когда буран немного улегся, Шон уехал домой за твоей сестрой, чтобы она могла с тобой встретиться. Я наблюдала за доплеровским радаром: тот отслеживал передвижение снежной бури с юга, которая переходила в ледяной дождь,

парализовавший аэропорты в Вашингтоне на целых три дня. В дверь постучали, и я с трудом приподнялась; по швам пробежала жгучая боль.

– Привет, – сказала Пайпер, заходя в комнату и садясь на край кровати. – Я слышала новости.

– Знаю, – ответила я. – Нам повезло.

Она помедлила, после чего улыбнулась и кивнула:

– Ее скоро принесут.

В эту секунду медсестра вкатила в палату детскую кроватку и прошептала:

– А вот и мамочка!

Ты спала на спинке, на волнообразной пенистой клетке для яиц, которой покрыли дно пластиковой кроватки. На твоих крошечных ручках и на левой лодыжке были бинты.

Чем взрослее ты будешь, тем легче будет понять, что у тебя НО. Знающие люди увидели бы это по изгибу рук и ног, по треугольной форме лица и маленькому росту, ведь ты никогда не вырастешь выше трех футов, но тогда, даже с твоими бинтами, ты выглядела безупречной. Кожа бледно-персикового цвета, крошечный ротик, похожий на малинку. Пушистые золотистые волосики, ресницы длиной с мой ноготь. Я хотела прикоснуться к тебе, но, опомнившись, убрала руку.

Я так жаждала твоего спасения, что не думала о предстоящих трудностях. Да, я родила прекрасную дочку, но хрупкую, как мыльный пузырь. Будучи твоей матерью, я обязана была защищать тебя. Но что, если я только причиню тебе

вред?

Пайпер и медсестра обменялись взглядами.

– Хочешь обнять ее? – спросила подруга и просунула руку под пенистую подложку, а медсестра приподняла края, наподобие крыльев, чтобы поддержать твои ручки.

Очень медленно они устроили пену на моей согнутой руке.

– Эй! – прошептала я, придвигая тебя ближе.

Моя рука, пойманная в ловушку, коснулась жесткого края пенистой подложки. Сколько же времени должно пройти, прежде чем я смогу коснуться твоей влажной кожи? Я вспомнила о тех днях, когда в младенчестве плакала Амелия и я забирала дочь к себе в кровать и засыпала в обнимку, боясь перекатиться на бок и задеть ее. Но с тобой другое дело: достав тебя из кроватки, я могла причинить вред. Даже когда гладила по спинке.

Я подняла голову и посмотрела на Пайпер:

– Может, тебе стоит взять ее...

Пайпер опустила тебя рядом со мной и провела пальцем по твоей заостренной головке:

– Шарлотта, она не сломается.

Мы обе знали, что это ложь, но, прежде чем я смогла что-то ответить, в комнату ворвалась Амелия, в заснеженных варежках и шерстяной шапке.

– Она здесь, она здесь! – пропела твоя сестра.

В тот день, когда я рассказала ей о тебе, Амелия спроси-

ла, успеешь ли ты родиться к обеду. Я ответила на это, что придется подождать где-то пять месяцев, и она решила, что это слишком долго. Тогда Амелия сделала вид, будто ты уже появилась на свет: носила повсюду свою любимую куклу и называла ее Сисси. Когда Амелия уставала или отвлекалась, то роняла куклу головой вниз, а твой отец смеялся. «Хорошо, что можно потренироваться», – говорил он.

Шон заполнил собой дверной проем, а Амелия забралась на постель, устраиваясь у Пайпер на коленях, чтобы оттуда дать свою оценку.

– Она слишком маленькая, чтобы покататься со мной на коньках, – сказала Амелия. – И почему она выглядит как му-мия?

– Это ленточки, – сказала я. – Как на подарке.

Впервые я солгала, чтобы защитить тебя, и, словно бы все понимая, ты проснулась в этот самый момент. Ты не плакала, не извивалась.

– Что с ее глазами? – ахнула Амелия, когда мы увидели визитную карточку твоего заболевания: белки глаз отдавали холодной синевой.

В середине ночи на дежурство заступила другая смена. Мы с тобой спали, когда в комнату зашла медсестра. Я вынырнула из сна, зацепившись взглядом за форму, бейдж с именем, пушистые рыжие волосы.

– Подождите, – сказала я, когда она потянулась к твоему

одеяльцу. – Поосторожнее.

Она снисходительно улыбнулась:

– Спокойнее, мамочка! Я уже десять тысяч раз проверяла подгузник.

Но это было до того, как я научилась быть твоим голо-сом. Когда она развернула одеяло, то потянула слишком резко. Ты перекатилась на бочок и пронзительно закричала – не захныкала, как совсем недавно, когда была голодна. Это на-поминало тот душераздирающий крик, как в момент твоего рождения.

– Вы сделали ей больно!

– Ей просто не нравится просыпаться посреди ночи.

Для меня не было ничего хуже твоего плача, но затем твоя кожа посинела под стать глазам, а дыхание стало прерыви-стым. Медсестра склонилась над тобой со стетоскопом.

– Что случилось? Что с ней? – требовательно спросила я.

Она нахмурилась, прислушиваясь к твоей груди, и вдруг ты обмякла. Медсестра нажала на кнопку позади моей кой-ки.

– Синий код, – услышала я, и крохотную комнату вдруг наполнили люди, хотя была глубокая ночь. Слова вылетали из их уст, как ракеты: «гипоксия... газовый состав артери-альной крови... SO_2^1 сорок шесть процентов... следим за FIO_2^2 .

¹ Оксид серы. – Здесь и далее примеч. перев.

² Фракция кислорода во вдыхаемой газовой смеси.

– Начинаю закрытый массаж сердца, – сказал кто-то.

– У нее НО.

– Лучше жить с переломами, чем умереть без них.

– Нам нужен переносной аппарат для рентгена органов груд...

– Нет смысла ждать рентгена. Возможен напряженный пневмоторакс...

Между мельтешащими колоннами тел я мельком увидела иглу, которая погрузилась под твои ребра, а следом кожи коснулся скальпель, выпустив капельку крови, потом в твою грудь погрузилась длинная трубка. Я следила за тем, как ее зашивают и как она торчит из тельца.

К приезду Шона, который забежал с широко распахнутыми глазами, тебя перевели в ОИТН³.

– Они разрезали ее, – всхлипнула я не в силах подобрать иных слов.

Когда он притянул меня к себе, я наконец дала волю слезам, которые все это время от страха держала внутри.

– Мистер и миссис О'Киф? Я доктор Роудс.

В палату заглянул мужчина, похожий на студента, и Шон стиснул мою ладонь.

– С Уиллоу все в порядке? – спросил Шон.

– Мы можем ее увидеть?

– Скоро, – сказал доктор, и комок внутри меня немного ослаб. – Рентген грудной клетки зафиксировал перелом реб-

³ Отделение интенсивной терапии новорожденных.

ра. Несколько минут у нее была гипоксия, что вызвало расширяющийся пневмоторакс, результирующее смещение средостения и остановку сердца и дыхания.

– Ради всего святого, говорите по-человечески! – проревел Шон.

– Она была без кислорода несколько минут, мистер О’Киф. Ее сердце, трахея и главные артерии сместились на противоположную сторону тела из-за воздуха, который заполнил грудную полость. Трубка в груди поможет органам вернуться на место.

– Без кислорода, – повторил Шон, и слова застревали у него в горле. – Вы говорите о поражении мозга.

– Возможно. Мы этого пока не знаем.

Шон подался вперед, стиснув руки в кулаки так сильно, что побелели костяшки.

– Но ее сердце...

– Сейчас состояние стабильное, хотя есть риск еще одного сердечно-сосудистого коллапса. Мы не уверены, как телоотреагирует на то, что мы сделали для ее спасения.

Я разрыдалась:

– Не хочу, чтобы она снова через это проходила. Не позволю, чтобы они это делали с ней, Шон.

Доктор уставился на нас:

– Возможно, вы хотите рассмотреть отказ от реанимации. Это распоряжение об отказе, которое будет храниться в медицинской карте. Там говорится, что, если подобное повто-

рится, вы не согласны на реанимацию Уиллоу.

Последние несколько недель беременности я готовилась к худшему, но и подумать не могла, что будет так сложно.

– Это пища для размышления, – сказал врач.

– Возможно, – сказал Шон, – она не должна быть здесь с нами. Возможно, она предназначена Господу.

– А как насчет моих желаний? Я так ждала ее рождения.

Он обиженно посмотрел на меня:

– Думаешь, я не ждал?

За окном во дворе больницы я увидела холм, покрытый искристым снегом. День стоял ослепительно-яркий, как лезвие ножа. С трудом верилось, что всего несколько часов назад здесь свирепствовала снежная буря. Один предприимчивый папочка, пытаясь занять сына, забрал из столовой поднос. Мальчик с визгом неся с горки, оставляя за собой снежный вихрь. Он встал и махнул рукой в сторону больницы, где, должно быть, кто-то смотрел на них так же, как и я. Возможно, здесь мать мальчика, которая ждет еще одного ребенка. Может, даже стоит в соседней палате и смотрит, как катается ее сын.

«А моя дочь, – рассеянно подумала я, – никогда не сможет этого сделать».

Пайпер крепко сжала мою руку, и мы обе взглянули на тебя, все еще находясь в ОИТН. Под твоими покалеченны-

ми ребрами торчала трубка, бинты плотно держали ручки и ножки. Я слегка пошатнулась.

– Ты в порядке? – спросила Пайпер.

– Не обо мне надо беспокоиться. – Я подняла взгляд на подругу. – Они спросили, не хочу ли я подписать отказ от реанимации.

– Кто такое спросил? – округлила глаза Пайпер.

– Доктор Роудс...

– Он интерн, – презрительно сказала она, словно бы произнесла «он нацист». – Он даже до столовой не знает дороги, что уж говорить о манере общения с матерью, на глазах которой ребенок перенес полную остановку сердца. Никакой педиатр не станет советовать отказ от реанимации новорожденного до того, как обследование мозга не подтвердит необратимое разрушение...

– Они вскрыли ее прямо на моих глазах, – дрожащим голосом произнесла я. – И я слышала, как ломаются ребра, когда они вновь запустили ее сердце.

– Шарлотта...

– Ты бы подписала?

Пайпер ничего не ответила, и я перешла на другую сторону от кровати. Ты оказалась спрятанной между нами, словно тайна.

– Неужели такой будет вся моя оставшаяся жизнь?

Долгое время Пайпер молчала. Мы прислушивались к окружавшей тебя симфонии гудения и жужжания. Я замети-

ла, как ты вздрогнула, как поджала крохотные пальчики на ножках, как широко распахнула ручки.

– Не твоя жизнь, – ответила Пайпер, – а жизнь Уиллоу.

Позже тем днем, пока слова Пайпер эхом отдавались в моей голове, я подписала отказ от реанимации. Он представлял собой мольбу о пощаде, черным по белому, если не вчитываться между строчками: впервые я врала и говорила, что лучше бы ты не появлялась на свет.

Часть первая

Большинство вещей бьется, включая сердца.

*Уроки жизни исчисляются не мудростью, а
шрамами и мозолями.*

Уоллис Стегнер. Птица-наблюдатель

Темперирование: медленное и постепенное нагревание.

Когда мы говорим о темпераменте, то чаще всего горячий темперамент означает вспышку гнева. В кулинарии темперирование означает загустение при должном настаивании. Можно темперировать яйца, добавляя горячую жидкость небольшими количествами. Смысл в том, чтобы нагреть их, но не вызвать сворачивания. В результате получаем заварной крем, который можно использовать как соус для десерта или включить в более сложный десерт.

Вот еще что интересно: консистенция конечного продукта никак не зависит от типа жидкости, которую мы ис-

пользуем для нагрева. Чем больше яиц положить, тем более густым и насыщенным получится конечный продукт.

Другими словами, результат зависит от первоначальной субстанции, с которой ты начинаешь.

Ликер-крем

2 чаши цельного молока.

6 яичных желтков комнатной температуры.

5 унций сахара.

1 1/2 унции кукурузного крахмала.

1 чайная ложка ванили.

Доведите молоко до кипения в эмалированной кастрюле. В миске из нержавеющей стали взбейте яичные желтки, сахар и кукурузный крахмал. Темперировать яичную смесь молоком. Поставьте молоко и яичную смесь обратно на огонь, постоянно помешивая. Когда смесь начнет густеть, перемешивайте быстрее, пока она не закипит, потом снимите с огня. Добавьте ванили и вылейте в миску из нержавеющей стали. Посыпьте сахаром и накройте целлофановой пленкой поверхность крема. Положите в холодильник и остужайте до самой подачи. Можно использовать как начинку для фруктовых тартов, наполеона, профитролей, эклеров и т. д.

Амелия

Февраль 2007 года

Еще никогда в жизни я никуда не выезжала на каникулы. Даже из Нью-Гэмпшира не выезжала, за исключением того раза, когда мы с тобой и мамой отправились в Небраску. Ты призналась, что провести три дня в больничной палате со старыми мультиками «Том и Джерри», пока у тебя берут анализы в детской больнице Шрайнерс, совсем не то, что поехать на пляж или в Большой Каньон. Можешь представить мою радость, когда я узнала, что наша семья собирается в «Дисней уорлд». Мы поедем во время февральских школьных каникул. Остановимся в отеле, сквозь который идет монорельсовый поезд.

Мама принялась составлять список аттракционов, на которые мы пойдем. «Маленький мир», «Летающий слон Дамбо», «Полет Питера Пэна».

- Это для малышей, – пожаловалась я.
- Они самые безопасные.
- «Космическая гора», – предложила я.
- «Пираты Карибского моря».
- Отлично! Я в первый раз еду на каникулы и даже не могу повеселиться.

Я вылетела из комнаты, направляясь в нашу общую спаль-

ню и представляя, что говорили родители: «Вот, опять Амелия так ужасно себя ведет».

Забавно, но когда случается нечто подобное, а случается оно постоянно, мама не пытается сгладить острые углы. Она слишком занята заботой о тебе, и разрешение конфликтов ложится на папины плечи. В этом я тебе тоже завидую: это твой родной отец, а мой – отчим. Я не знаю своего отца, они с мамой разошлись еще до моего рождения, и она клянется, что его отсутствие – лучший подарок. Шон удочерил меня и всячески старается показать свою любовь, не меньше, чем к тебе, но в моей голове все равно сидит эта отвратительная черная заноза, которая напоминает, что это не может быть правдой.

– Мели, – позвал он, заходя ко мне в спальню (он единственный на всем белом свете, кому я разрешаю так называть себя; мне это напоминает червячков, которые заводятся в муке и портят ее, но не когда так говорит папа), – знаю, ты уже готова к взрослым аттракционам. Но мы хотим, чтобы и Уиллоу хорошо провела время.

Потому что, когда Уиллоу хорошо проводит время, мы все хорошо проводим время. Ему даже не нужно было этого говорить, я будто слышала его голос.

– Мы просто хотим съездить все вместе на отдых.

Я замешкалась.

– Аттракцион «Чашки», – услышала я свой голос.

Папа обещал попросить за меня, и хотя мама была настро-

ена категорически против – а что, если ты ударишься о жесткую гипсовую стенку чашки? – он убедил ее, что мы можем посадить тебя между нами и убереечь тем самым от травм. Потом он улыбнулся мне, такой довольный собой, что смог выторговать этот аттракцион, и я не осмелилась сказать, что эти «Чашки» меня совершенно не интересовали.

Они пришли мне в голову, так как несколько лет назад я увидела рекламу «Дисней уорлд» по телевизору. Там показывали фею Динь-Динь, которая, как комар, летала по Волшебному королевству над головами счастливых посетителей. Там была одна семья с двумя дочерьми того же возраста, что и мы с тобой, и они катались на чашках Безумного Шляпника. Я не могла отвести от них глаз: у старшей дочери даже были каштановые волосы, как у меня, и, если присмотреться, отец очень напоминал папу. Семья выглядела такой счастливой, что у меня скрутило желудок от одного их вида. Я понимала, что люди в рекламе, скорее всего, не настоящая семья, что отец и мать – просто двое актеров, которые встретили свою фальшивую дочь, приехав утром на место съемок, но мне так хотелось, чтобы они оказались семьей, чтобы смеялись даже среди хаотичного вращения каруселей.

Найдите десять незнакомцев, поместите их в одну комнату и спросите, к кому из нас они испытывают большее сочувствие – к тебе или ко мне, и мы прекрасно понимаем, кого они выберут. Сложно не обращать внимания на твой гипс и

рост двухгодовалого ребенка, хотя тебе пять, на то, как выгибаются твои ноги, когда ты достаточно здорова, чтобы ходить. Я вовсе не говорю, что тебе просто. Но мне тяжелее. Каждый раз, когда сетую на жизнь, я смотрю на тебя и ненавижу себя за то, что посмела жаловаться.

Вот в двух словах, что из себя представляет моя жизнь:

Амелия, не прыгай на кровати, ты можешь задеть Уиллоу.

Амелия, сколько раз я тебе говорила не оставлять носки на полу, потому что Уиллоу может упасть!

Амелия, выключи телевизор!

Хотя я смотрела всего полчаса, а ты пялилась в него пять часов кряду как зомби.

Знаю, звучит эгоистично. Но опять же, знать правду и принимать ее – разные вещи. Может, мне всего двенадцать, но, поверь, этого достаточно, чтобы увидеть, насколько наша семья отличается от других, и так будет всегда. В защиту скажу: какая еще семья станет брать запасной чемодан с бинтами и водонепроницаемым гипсом на всякий случай? Какая мама проводит все дни за изучением больниц в Орландо?

Настал день отбытия, и пока папа загружал вещи в машину, мы с тобой сидели за кухонным столом и играли в «камень-ножницы-бумага».

– Раз-два-три, – сказала я, и мы обе выкинули ножницы; мне следовало догадаться, ты всегда выбирала ножницы. – Раз-два-три, – повторила я и на этот раз выбрала камень. –

Камень притупляет ножницы. – Я постучала кулаком поверх твоей ладони.

– Осторожнее! – произнесла мама, хотя она на нас даже не смотрела.

– Я победила.

– Как и всегда.

Я засмеялась:

– Все потому, что ты всегда выбираешь ножницы.

– Леонардо да Винчи изобрел ножницы.

Ты постоянно рассказывала то, что никто не знал или чем не интересовался, потому что все время читала, рылась в Интернете или слушала передачи по каналу истории, которые навевали на меня скуку. Люди изумлялись, откуда пятилетняя девочка знает, что смыв туалета звучит в тональности ми-бемоль, а старейшее слово в английском – это «город», но мама говорила, что многие дети с заболеванием НО рано начинают читать, развивая языковые навыки. Я решила, что мозг у тебя устроен наподобие мышцы: он использовался чаще, чем тело, которое все время ломалось. Неудивительно, что ты говорила как маленький Эйнштейн.

– Я все взяла? – пробормотала мама, разговаривая сама с собой и в сотый раз просматривая список. – Справка, – сказала она и повернулась ко мне. – Амелия, нам нужна справка от врача.

Это была справка от доктора Розенблада, в которой перечислялось стандартное: что у тебя НО, что он твой лечащий

врач в детской больнице – на случай неотложной ситуации. Даже забавно, учитывая, что твои переломы были чередой неотложных ситуаций. Справка лежала в бардачке фургона, рядом с документами на машину и справочником к «тойоте», вместе с порванной картой Массачусетса, квитанцией от «Джиффи Люб» и куском жевательной резинки без обертки, к которой прилипли волосинки. Я внимательно изучила содержимое, когда мама оплачивала топливо на заправке.

– Если справка в фургоне, то почему ты не можешь достать ее по пути в аэропорт?

– Потому что забуду, – сказала мама, когда в комнату вошел папа.

– Все собрано и погружено. Что скажешь, Уиллоу? Поедем повидаться с Микки?

Ты широко улыбнулась ему, будто Микки-Маус был настоящим, а не девочкой-подростком, решившей подзаработать летом, напялив огромную пластмассовую голову.

– День рождения Микки-Мауса – восемнадцатое ноября, – объявила ты, когда папа помог тебе выбраться из инвалидного кресла. – Амелия выиграла у меня в «камень-ножницы-бумагу».

– Потому что ты всегда выбираешь ножницы, – сказал папа.

Мама нахмурилась, в последний раз глядя на список:

– Шон, ты взял с собой мотрин?

– Два пузырька.

– А фотоаппарат?

– Вот же! Я вынул его и оставил наверху на комодке... – Он повернулся ко мне. – Милая, ты не принесешь его, пока я посажу Уиллоу в машину?

Я кивнула и побежала наверх. Когда я спустилась с фотоаппаратом, то нашла маму на кухне одну. Она кружилась на месте, будто не знала, что ей делать без Уиллоу. Мама выключила свет и заперла входную дверь, а я направилась к фургону. Отдала фотоаппарат папе и пристегнулась рядом с твоим креслом, отдавая себе отчет, как странно двенадцатилетней девочке радоваться поездке в «Дисней уорлд», однако я ликовала. Я думала о солнце, песнях «Дисней» и монорельсовых вагончиках, а не о справке от доктора Розенблада.

И значит, все произошедшее было моей ошибкой.

Мы даже не дошли до глупых «Чашек». Когда наш самолет приземлился и мы доехали до отеля, уже смеркалось. Добрались до парка аттракционов и только ступили на Мейн-стрит США – замок Золушки показался во всей своей красе, – когда грянула буря. Ты сказала, что проголодалась, и мы повернулись к оформленному под старину кафе-мороженому. Папа стоял в очереди, держа тебя за руку, а мама принесла салфетки к столику, где сидела я.

– Смотри, – сказала я, указывая на Гуфи, который пожимал ладошку орущему малышу.

В тот самый момент, когда мамина салфетка полетела на

землю, а папа отпустил твою руку, чтобы достать бумажник, ты заторопилась к окну, посмотреть, что я показываю тебе, и поскользнулась на крохотном бумажном квадратике.

Мы все следили за происходящим, как в замедленной съемке: у тебя из-под ног ушла земля, и ты с силой плюхнулась на пятую точку. Посмотрела на нас, и белки твоих глаз вспыхнули голубизной, как и всегда при переломе.

Сотрудники «Дисней уорлд» словно ожидали подобного. Как только мама сказала продавцу мороженого, что ты сломала ногу, как появились двое мужчин из медперсонала с носилками. Мама, как всегда в таких случаях, давала распоряжения, и тебя уложили на носилки. Ты не плакала, ты никогда не плакала, когда случался перелом. Один раз у меня была трещина в мизинце, когда мы в школе играли в тетербол, и я не могла сдержать крика, когда палец покраснел и раздулся как шарик, но ты не заплакала, даже когда сломала руку, а кость прошла сквозь кожу.

– Разве не больно? – шепнула я, когда носилки подняли и выставили колесики.

Ты кивнула, закусив губу.

На выходе из «Дисней уорлд» нас ждала машина «скорой помощи». Я бросила прощальный взгляд на Мейн-стрит, на верхушку металлического конуса «Спейс-Маунтин», на детей, которые бежали внутрь, а не обратно, а потом забралась в автомобиль, приготовленный для нас с папой, чтобы мы

последовали за вами с мамой в больницу.

Было непривычно заходить в приемное отделение неотложной помощи вдали от нашего родного города. Все в больнице Бэнктона знали тебя, а врачи слушали указания мамы. Однако здесь никто не обращал на нее внимания. Нам сообщили, что переломов бедренной кости, скорее всего, два, а значит, есть вероятность внутреннего кровотечения. Мама ушла вместе с тобой на рентген, а мы с папой остались сидеть на зеленых пластиковых стульях в приемном отделении.

– Мне жаль, Мели, – сказал он, и я пожала плечами. – Может, все обойдется и мы сможем завтра съездить в парк.

Мужчина в черном костюме из «Дисней уорлд» сказал папе, что, если мы пожелаем вернуться в другой день, нас пустят бесплатно.

Этим субботним вечером люди, заходившие в приемное отделение неотложной помощи, привлекали больше внимания, чем передача по телевизору. Появились двое подростков, на вид старшеклассники, у которых в одинаковых местах кровоточил лоб. Они смеялись каждый раз, когда смотрели друг на друга. А еще был старик в блестящих штанах, который держался за правый бок, девушка, говорившая по-испански и нянчившая на руках двух орущих близнецов.

Из дверей с правой стороны вылетела мама, за ней бежала медсестра и еще одна женщина в узкой полосатой юбке и в красных туфлях на высоком каблуке.

– Справка! – выкрикнула мама. – Шон, что ты с ней сде-

лал?

– Какая справка? – спросил папа, но я уже знала, о чем она.

Меня чуть не стошнило.

– Миссис О’Киф, – сказала женщина, – прошу вас, давайте поговорим обо всем в уединенном месте.

Она коснулась маминой руки, но мама будто сложились пополам, иначе и не скажешь. Нас отвели в комнату с потрёпанным красным диваном и маленьким овальным столиком, на котором в вазе стояли искусственные цветы. Я пристально смотрела на изображение двух панд на стене, пока с родителями говорила женщина в узкой юбке, которая представилась Донной Роман, сотрудником отдела по делам несовершеннолетних.

– Доктор Райс связался с нами, потому что переживает из-за травм Уиллоу, – сказала она. – Ее вывернутая рука и рентген показали, что это не первый перелом, так?

– У Уиллоу несовершенный остеогенез, – сказал папа.

– Я уже ей это говорила, – отозвалась мама. – Но она не хочет слушать.

– Не имея заключения терапевта, нам нужно изучить этот вопрос. Мы всего лишь следуем протоколу, чтобы защитить детей...

– Я тоже хочу защитить своего ребенка, – резким, словно бритва, голосом сказала мама. – Поэтому прошу отпустить меня туда, где я смогу это сделать.

– Доктор Райс – профессионал...

– Будь он профессионалом, то знал бы, что я говорю правду, – огрызнулась мама.

– Насколько я поняла, доктор Райс пытается связаться с лечащим врачом вашей дочери, – сказала Донна Роман. – Но вечером в субботу это довольно проблематично. Тем временем я бы попросила вас подписать разрешение и позволить нам провести полное обследование Уиллоу – рентген костей и неврологическое обследование. Давайте это обговорим.

– Уиллоу вовсе не нуждается в очередных обследованиях, – заявила мама.

– Послушайте, мисс Роман, – вмешался в разговор отец. – Я полицейский. Вы же не думаете, что я стал бы вас обманывать?

– Я уже поговорила с вашей женой, мистер О'Киф, и, конечно, мне нужно будет побеседовать с вами... но сперва я бы хотела пообщаться с сестрой Уиллоу.

Я открыла было рот, но была не в силах ничего сказать. Мама смотрела на меня так, будто пыталась пообщаться со мной телепатически, а я уставилась в пол, глядя, как ко мне приближаются красные туфли.

– Должно быть, ты Амелия, – сказала женщина, и я кивнула. – Почему бы нам не пройтись?

Когда мы вышли в коридор, в дверном проеме появился офицер полиции, похожий на моего отца при исполнении.

– Разведи их по комнатам, – проговорила Донна Роман, и

тот кивнул, потом она подвела меня к автомату с конфетами в дальнем конце коридора. – Что бы ты хотела? Я обожаю шоколад, но, может, ты больше любишь картофельные чипсы?

В отсутствие родителей она разговаривала со мной очень дружелюбно, и я немедленно показала на батончик «Сникерс», решив, что нельзя упускать случай.

– Могу поспорить, не о таком отдыхе ты мечтала, да? – сказала женщина, и я покачала головой. – Такое раньше случалось с Уиллоу?

– Да. У нее все время что-то ломается.

– Как же так?

Сначала женщина показалась мне умнее. Разве она не знает, как ломаются кости?

– От падения. Или удара.

– Что за удар? – проговорила Донна Роман. – Кто ее ударил?

Как-то в садике на детской площадке в тебя врезался ребенок. Ты научилась уклоняться, но в тот день не успела.

– Ну... – сказала я, – всякое случается.

– Амелия, кто был с Уиллоу, когда она пострадала в этот раз?

Я вспомнила фургон с мороженым, папу, который держал тебя за руку.

– Мой папа.

Женщина поджала губы и бросила в автомат монеты.

Оттуда выпрыгнула бутылка воды. Донна Роман открыла крышку. Я хотела пить, но попросить не решилась.

– Он был расстроен?

Я вспомнила папино лицо, когда мы мчались к больнице, следуя за машиной «скорой помощи». Как он сжимал кулаки, пока мы ждали новостей о переломе Уиллоу.

– Да, очень расстроен.

– Как думаешь, он сделал это, потому что разозлился на Уиллоу?

– Что сделал?

Донна Роман опустилась на колени, глядя мне в глаза:

– Амелия, ты можешь поделиться со мной, что произошло на самом деле. Я сделаю так, что он не обидит тебя.

Наконец я поняла смысл ее слов.

– Мой папа не злился на Уиллоу, – сказала я. – Он не бил ее. Это несчастный случай!

– Такое не должно происходить.

– Нет, вы не понимаете, это все из-за Уиллоу.

– Ни один поступок ребенка не оправдывает насилия, – выдохнула Донна Роман, но ее слова звучали приглушенно.

Женщина направилась к комнате, где держали родителей, и хотя я умоляла послушать меня, она не реагировала.

– Мистер и миссис О’Киф, мы помещаем ваших детей под защиту органов опеки.

– Почему бы нам не пройти в участок и не поговорить? – сказал полицейский папе.

Мама обхватила меня руками:

– Органы опеки? О чем вы говорите?

Твердой рукой, не без помощи полицейского, Донна Роман пыталась оторвать меня от мамы.

– Мы поместим детей в безопасное место, пока все не прояснится. Уиллоу проведет ночь здесь.

Женщина попыталась вывести меня из комнаты, но я ухватилась за дверной косяк.

– Амелия? – разъяренно спросила мама. – Что ты сказала?

– Я говорила правду!

– Куда вы забираете мою дочь?

– Мам! – завизжала я, потянувшись к ней.

– Идем, милая, – потянув меня за руки, проговорила Донна Роман.

Пришлось отпустить косяк, и меня, визжащую и отбивающуюся, вывели из больницы. Я буйствовала пять минут, пока не пришло отупение. Пока я не поняла, почему ты не плакала, пусть и было больно: есть такая боль, от которой не будешь кричать.

Я и раньше встречала слово «детский дом» – в книгах и по телевизору. Тогда я думала, что он нужен для сирот и бродяг, для детей, чьи родители были наркоманами, но не для таких девочек, как я, которые жили в уютном доме, получали кучу подарков на Рождество и не ложились спать голодными. Миссис Уорд, руководившая моим временным при-

ютом, могла оказаться и сама матерью. Судя по фотографиям, покрывавшим каждый сантиметр стен, она и была такой. Женщина встретила нас у двери в красном халате и тапочках, похожих на розовых поросят.

– Должно быть, ты Амелия, – сказала она, распахивая дверь шире.

Я ожидала увидеть ватагу детей, но оказалось, что здесь только я. Она провела меня на кухню, где стоял запах порошка для посуды и вареных макарон. Миссис Уорд поставила передо мной стакан молока и положила на тарелку несколько печений «Орео».

– Возможно, ты голодна, – сказала она.

Хотя так и было, я покачала головой. Взять у нее что-то – словно сдать ся.

В моей спальне стояла тумбочка и небольшая кровать, покрытая одеялом с изображением вишенки. А еще телевизор и пульт. Родители не разрешали мне иметь в комнате телевизор. Мама говорила, что это «корень всех бед». Когда я сказала об этом миссис Уорд, она рассмеялась:

– Возможно, и так, но иногда «Симпсоны» – это лучшее лекарство.

Женщина открыла ящик и достала чистое полотенце и ночную сорочку, вдвое больше меня. Интересно, откуда она у нее? Сколько времени провела тут предыдущая девочка?

– Если понадобится, найдешь меня дальше по коридору, – сказала миссис Уорд. – Могу я еще чем-нибудь помочь?

Мне нужна мама.

И папа.

И ты.

Дом.

– Сколько... – выдавила я первые слова, которые произнесла в этом доме. – Насколько я тут останусь?

Миссис Уорд печально улыбнулась:

– Я не могу сказать этого, Амелия.

– А мои родители... они тоже в приюте?

Она замешкалась:

– Что-то вроде того.

– Я хочу увидеть Уиллоу.

– Утром поедem сразу же к ней, – сказала миссис Уорд. – Мы заглянем в больницу. Хорошо?

Я кивнула. Мне так хотелось ей верить. С этим обещанием, вложенным в мои руки наподобие моего любимого мягкого лосенка, я смогла бы проспать всю ночь. Могла убедить себя, что все обязательно улучшится.

Я легла, вспоминая чепуху, о которой ты бормотала перед сном, когда я просила тебя замолчать: «Лягушки глотают с закрытыми глазами. Одним карандашом можно нарисовать линию в тридцать пять миль. Если произнести слово „Cleveland“ наоборот, получится „ДНК уровня С“».

Не сразу, но я поняла, почему ты цеплялась за эти глупые факты, как другие дети не выпускали из рук любимое одеяло: если повторять их снова и снова, на душе становится лег-

че. Может, все дело в том, что я узнавала новое, когда вся остальная жизнь превратилась в сплошной вопросительный знак, а может, эти факты напоминали о тебе.

Я все еще испытывала голод или же странную пустоту внутри. Когда миссис Уорд ушла в спальню, я выбралась из кровати. На цыпочках прокралась в коридор, включила свет и направилась на кухню. Открыла холодильник, позволяя свету и холоду коснуться моих голых ног. Посмотрела на мясо, запечатанное в целлофановый пакет, на сваленные в кучу яблоки и персики в корзине, на упаковки апельсинового сока и молока, выстроившиеся в ряд, как солдаты. Наверху скрипнуло, и я схватила первое попавшееся под руку: буханку хлеба, контейнер со спагетти, горсть печенья «Орео». Я побежала к себе в комнату и закрыла дверь, потом разложила сокровища перед собой.

Сперва я уничтожила печенье. В животе заурчало, и я руками стала заталкивать в рот спагетти, потому что не было вилки. Съела кусок хлеба, потом еще, а вскоре осталась одна лишь целлофановая упаковка. «Да что со мной не так? – подумала я, поймав в зеркале свое отражение. – Кто станет есть буханку хлеба зараз?» Внешне я вызывала отвращение: тусклые коричневые волосы, которые пушились от влажной погоды, широко расставленные глаза, кривой передний зуб, свисающие над джинсами пельмени по бокам, – но внутри я была еще хуже. Мне виделась огромная черная дыра вроде тех, о которых нам рассказывали на естествознании в про-

шлом году. Она поглощает все на своем пути. «Вакуум пустоты», – называл ее учитель.

Все доброе и хорошее, что видели во мне окружающие, омрачалось темной стороной моей души, жаждущей иметь другую семью. Настоящая я была омерзительным человеком, мечтавшим о жизни, в которой ты бы не родилась. Настоящая я видела, как тебя погружают в машину «скорой помощи», и мечтала остаться в «Дисней уорлд». Настоящая я не знала меры, могла проглотить буханку хлеба за десять минут и хотеть еще.

Я определенно ненавидела себя.

Не знаю, что заставило меня пойти в ванную, смежную с моей спальней, – на стенах там красовались розочки, на раковине лежало фигурное мыло – и сунуть в рот два пальца. По моим венам словно растекался яд, от которого я хотела избавиться. Может, так я наказывала себя. Или пыталась вернуть себе контроль, чтобы порядок был везде. «Крысу не может стошнить», – как-то раз сказала мне ты, и это засело мне в голову. Придерживая волосы рукой, я выплеснула содержимое желудка в унитаз. Кожа покрылась испариной, я тяжело дышала, испытывая опустошенность и странное чувство облегчения от осознания, что да, я смогла хоть что-то сделать правильно, пусть мне и будет хуже, чем раньше. Живот скрутило, на языке осталась горечь, но в этот раз боль была физическая.

На меня накатила слабость. На шатающихся ногах я по-

плелась в предложенную мне кровать и потянулась за пультом от телевизора. В глазах резало, горло пересохло, но заснуть я не могла. Вместо этого я щелкала по каналам, просматривая передачи об интерьерах, мультики, поздние ток-шоу и кулинарное соревнование «Железного повара». На канале «Ник эт Найт», на двадцать второй минуте шоу Дика Ван Дайка, появилась старая реклама «Дисней уорлд», будто насмешка, злая шутка, предупреждение. Меня словно пнули в солнечное сплетение: я увидела фею Динь-Динь, счастливых людей и семью на аттракционе «Чашки», которой могли бы оказаться мы.

А что, если мои родители никогда не вернутся?

Что, если ты не поправишься?

Что, если мне придется остаться здесь навсегда?

Всхлипнув, я затолкала уголок подушки в рот, чтобы миссис Уорд ничего не услышала. Включила беззвучный режим на телевизоре, глядя, как кружится на аттракционе семья из «Дисней уорлд».

Шон

Ты можешь на сто процентов быть в чем-то уверен, пока это же не произойдет с тобой. Например, при аресте люди, далекие от правоохранительных органов, поражаются тому, что случаются ошибки. Если такое происходит, вы отпускаете человека и говорите ему, что лишь выполняли свой долг. «Это лучше, чем позволить преступнику разгуливать на свободе», – всегда говорил я. К черту борцов за гражданские права, которые не распознают правонарушителя, даже если он плюнет им в лицо!

Вот во что я искренне верил, пока меня не привели в полицейский участок Лейк-Буэна-Виста по подозрению в жестоком обращении с детьми. Одного взгляда на твои рентгеновские снимки, на дюжины заживающих трещин, на неестественное искривление правой кисти хватило, чтобы врачи забили тревогу и позвонили в отдел по делам несовершеннолетних. Доктор Розенблад несколько лет назад выдал нам справку, служившую пропуском в таких ситуациях. Многие родители, дети которых страдают НО, обвиняются в жестоком обращении, пока не становится известна вся история болезни. Шарлотта всегда на всякий случай возила справку в фургоне. Но сегодня, пытаясь собрать вещи для поездки, мы совершенно забыли о справке и вместо отпуска отправились в полицейский участок на допрос.

– Чушь собачья! – выкрикнул я. – Моя дочь упала в общественном месте! Там было по крайней мере десять свидетелей. Почему же вы не притащили сюда и их? Разве вам, парни, больше нечем заняться?

Я переключился с хорошего копа на плохого, но, как выяснилось, ничто не помогало, когда ты сталкивался с полицейским из чужого округа. Перевалило за полночь, а это означало, что, скорее всего, придется ждать понедельника, пока не удастся связаться с доктором Розенбладом. Я не видел Шарлотту с того момента, как нас привели в участок на допрос: в подобных случаях мы разлучаем родителей, чтобы они не успели придумать легенду. Наша проблема заключалась в том, насколько невероятной могла показаться правда. Ребенок поскользнулся на салфетке и получил осложненный перелом обоих бедер? Не обязательно подобно мне проработать в полиции девятнадцать лет, чтобы засомневаться.

Шарлотта, скорее всего, места себе не находила – оказаться вдалеке от тебя, пока ты там страдаешь, было выше ее сил, да к тому же Амелию увезли неизвестно куда. Я думал о том, что Амелия ненавидит спать с выключенным светом. Обычно я прокрадывался к ней в комнату посреди ночи и выключал лампу. «Тебе страшно?» – как-то спросил я, но она ответила, что нет. «Просто не хочу ничего пропустить». Мы жили в Бэнктоне, штат Нью-Гэмпшир, в небольшом городке, где можно было проехать по улице под автомобильные сигналы от знакомых, забыть кредитку в бакалейном магазине

и вернуться с деньгами позже, потому что кассир отпустила тебя с продуктами. Находилось место и порокам, которые встречали полицейские за белыми заборами и полированными дверями, скрывавшими всяческие кошмары: уважаемые местные чиновники били жен, студенты-отличники страдали наркозависимостью, школьные учителя хранили на компьютере детское порно. Но моей задачей как офицера полиции было донести все это дерьмо до участка и убедиться, что вы с Амелией растете в безмятежном неведении. А что происходит вместо этого? Вы видите, как врывается в палату неотложной помощи полиция Флориды и забирает ваших родителей. Амелию увозят в детский дом. Как глубоко ранит вас эта жалкая попытка отправиться на отдых?

Детектив оставил меня одного после двух раундов допроса. Я знал, что он изводит меня, рассчитывая, что крупиц информации между сеансами допроса окажется достаточно для запугивания и я сознаюсь, что сломал тебе обе ноги.

Я подумал о Шарлотте, которая находилась в том же здании, возможно, в другой комнате для допроса или в камере. Если они собрались оставить нас тут на ночь, то пришлось бы прибегнуть к аресту, а для этого имелись веские основания. Здесь, во Флориде, у тебя случилась травма, а вместе со старыми переломами на рентгеновских снимках картина складывалась в единое целое, если кто-нибудь не подкрепит наши объяснения доказательствами. Но к черту, я устал ждать! Я был нужен тебе и твоей сестре.

Встав, я забарабанил по зеркальному стеклу, через которое, насколько я знал, за мной следил детектив.

Он вошел в комнату. Худощавый, рыжеволосый, прыщавый – на вид ему не было и тридцати. Я весил двести двадцать пять фунтов – и все это мышечная масса, – ростом был шесть футов три дюйма, а за последние три года я победил во внутреннем соревновании участка по поднятию тяжестей, пока мы сдавали ежегодные нормативы по физической подготовке. Если бы я захотел, то переломил бы офицера пополам. Именно это напомнило мне, почему он допрашивает меня.

– Мистер О’Киф, давайте проговорим все еще раз.

– Я хочу увидеть свою жену.

– Прямо сейчас это невозможно.

– Тогда скажите, все ли с ней в порядке?

Мой голос надломился, и этого оказалось достаточно, чтобы детектив немного смягчился.

– Она в порядке. Сейчас она беседует с другим детективом.

– Я бы хотел сделать звонок.

– Вы не арестованы, – заметил детектив.

– Верно, – усмехнулся я.

Он указал на телефон в центре стола:

– Наберите девятку для внешней линии, – потом откинулся в кресле и скрестил руки на груди, давая понять, что не оставляет мне никакого личного пространства.

– Вы знаете номер больницы, где держат мою дочь?

– Ей вы позвонить не можете.

– Почему? Я же не арестован, – повторил я.

– Сейчас уже поздно. Какой родитель захочет будить своего ребенка. Но вы ведь не такой уж хороший родитель, Шон, да?

– Плохой родитель оставил бы свою дочь одну в больнице, когда ей плохо и она напугана, – ответил я.

– Давайте обсудим необходимое, а потом, может, вы поговорите с дочерью, прежде чем она уснет.

– Я не пророню ни слова, пока не поговорю с ней, – стал торговаться я. – Дайте мне номер, и я расскажу вам, что действительно произошло с ней сегодня.

С минуту он неподвижно смотрел на меня – я прекрасно знал этот метод. Я так долго применял его, что мог распознать ложь по одному взгляду. Интересно, что он увидел в моих глазах. Возможно, разочарование. Вот он я, полицейский, а даже уберечь тебя не смог.

Детектив поднял телефон и набрал номер. Попросил соединить с твоей палатой и тихо переговорил с ответившей ему медсестрой. Потом передал трубку мне:

– У вас одна минута.

Ты была сонной, тебя только что разбудила медсестра. Говорила ты таким тоненьким голоском, что я мог бы продеть его в петлю для пуговицы.

– Уиллоу, – сказал я. – Это папа.

– Где ты? Где мамочка?

– Мы скоро приедем за тобой, милая. Завтра с самого утра мы увидимся. – Я не знал, так ли это, но не мог позволить тебе думать, будто мы бросили тебя. – От одного до десяти? – спросил я.

Мы играли в эту игру при каждом переломе: я предложил тебе шкалу боли, и ты могла показать, насколько ты смелая.

– Ноль, – прошептала ты, и меня будто ударили.

Факт обо мне: я не плачу. Не плакал с тех самых пор, как умер мой отец, когда мне было десять. Но сейчас я находился на грани. Точно так же, как и в тот день, когда ты родилась и чуть не умерла. Или когда я смотрел на двухлетнюю тебя и ты училась ходить заново, проведя пять месяцев с переломом бедра. Или сегодня, когда забирали Амелию. Дело не в том, что я несокрушимый, просто кто-то из нас должен сохранять силу.

Я собрался с духом и прокашлялся:

– Расскажи мне что-то новое, малыш.

Еще одна наша игра: я прихожу домой, а ты пересказываешь, что узнала за день. Если честно, я еще не видел, чтобы дети так впитывали информацию. Тело могло подвести тебя на каждом шагу, но мозг это компенсировал.

– Медсестра сказала, что сердце жирафа весит двадцать пять фунтов, – сообщила ты.

– Какое огромное, – ответил я. Сколько же весит сейчас мое отяжелевшее сердце? – А теперь, Уиллис, я хочу, чтобы

ты легла и поспала как следует, а когда проснешься утром, я приеду за тобой.

– Обещаешь?

Я сглотнул ком в горле:

– Вот увидишь, детка. Крепких тебе снов.

Я передал трубку детективу.

– Как трогательно, – равнодушно отозвался он и повесил трубку. – Ладно, я слушаю.

Я положил локти на стол:

– Мы только зашли в парк и возле ворот увидели кафе-мороженое. Уиллоу проголодалась, и мы решили сделать остановку. Жена достала салфетки, Амелия села за столик, а мы с Уиллоу ждали в очереди. Старшая дочь что-то увидела в окне, а Уиллоу помчалась посмотреть, упала и сломала бедренные кости. У нее заболевание, которое называется несовершенный остеогенез, а значит, ее кости необычайно хрупкие. С этим рождается один из десяти тысяч детей. Что, черт подери, вам еще нужно знать?!

– Именно такие показания вы давали час назад. – Детектив бросил на стол ручку. – Я думал, вы расскажете мне, что произошло на самом деле.

– Так я и сделал. Но вы хотели услышать совершенно другое.

Детектив поднялся на ноги:

– Шон О'Киф, вы арестованы.

К семи утра я бороздил зал ожидания полицейского участка, будучи совершенно свободным человеком, – ждал, когда выпустят Шарлотту. Офицер, открывший мою камеру, неловко переминался с ноги на ногу рядом.

– Уверен, вы все понимаете. Учитывая все обстоятельства, мы просто делали свое дело.

Я стиснул челюсть:

– Где моя старшая дочь?

– Представитель социальной службы едет сюда вместе с ней.

Из профессиональной солидарности мне сказали, что Луи, диспетчер в Бэнктоне, подтвердил мою работу в полицейском участке, а также рассказал про твое заболевание, из-за которого легко ломаются кости, но органы опеки не могли отпустить Уиллоу без подтверждения от медицинского эксперта. Всю ночь я молился, хотя, должен признаться, я благодарен Иисусу за наше освобождение куда меньше, чем твоей матери. Шарлотта часто смотрела «Закон и порядок» и прекрасно знала, что раз ей зачитывают права, то она имеет право на один телефонный звонок. К моему удивлению, она использовала его не для того, чтобы связаться с тобой. Она позвонила Пайпер Риис, своей лучшей подруге.

Честно, я обожаю Пайпер. Обожаю за то, что она воспользовалась связями, позвонила Марку Розенбладу в три часа ночи на выходных и попросила его позвонить в больницу, где лежала ты. Я обязан Пайпер своим браком – именно они

с Робом познакомили меня с Шарлоттой. Но в то же время порой Пайпер слишком... много. Она умная, всегда при своем мнении и в большинстве случаев права, что даже раздражает. В основном мы с твоей матерью ссорились из-за тех мелочей, которые посеяла в ее голове Пайпер. Но если той подходит такая самоуверенная, дерзкая манера, то твоя мать выглядит нелепо – она как ребенок, играющий в мамином гардеробе. Твоя мать тихая и загадочная; сильные ее стороны не бросаются сразу в глаза, а раскрываются постепенно. Войдя в комнату, сразу заметишь Пайпер, блондинку с короткой, как у парня, стрижкой, бесконечно длинными ногами и широкой улыбкой, но именно о Шарлотте будешь еще долго вспоминать после ухода. Однако эта напористость, которая меня в Пайпер утомляет, помогла нам освободиться из-под ареста в Лейк-Буэна-Виста. Во вселенском масштабе я должен ее благодарить.

Внезапно открылась дверь, и я увидел Шарлотту, такую бледную и измученную, с коричневыми кудряшками, которые выбивались из стянутого резинкой хвоста. Жена разносила в пух и прах сопровождавшего ее офицера:

– Если Амелия не вернется сюда, когда я досчитаю до десяти, то я...

Боже, я так люблю твою мать! Когда дело касается серьезных вопросов, мы с ней мыслим одинаково.

Заметив меня, она замолчала.

– Шон! – выкрикнула Шарлотта и бросилась в мои объ-

тия.

Вряд ли я смогу объяснить тебе, что значит найти кусочек самого себя, в котором заключена твоя сила. Вот что значит для меня Шарлотта. Она миниатюрного телосложения, пять футов два дюйма ростом, но под изящными изгибами, которые все пытается подчеркнуть, потому что не может похвастаться четвертым размером, как у Пайпер, скрываются упругие мускулы, окрепшие за годы работы с тестом в роли кондитера, а позже с тобой и всем необходимым тебе оборудованием.

– Как ты, милая? – буркнул я поверх ее волос.

От нее пахло яблоками и лосьоном от загара. Она заставила всех нас натереться им перед поездкой в аэропорт Орlando. «На всякий случай», – сказала Шарлотта.

Она не ответила, лишь молча кивнула, уткнувшись в мою грудь.

В дверях раздался визг, и мы увидели мчавшуюся к нам Амелию.

– Я забыла, – плакала она. – Mam, я забыла взять справку от доктора. Простите меня, простите!

– Никто из нас не виноват. – Я присел на колени и смахнул ее слезы. – Давайте выбираться отсюда.

Офицер в приемной предложил довезти нас до больницы на внедорожнике, но я попросил вызвать для нас такси. Мне хотелось, чтобы они испытывали угрызения совести, а не пытались загладить вину. Когда такси остановилось перед

входом в полицейский участок, мы втроем, словно единый отряд, двинулись к двери. Я усадил внутрь Шарлотту и Амелию, потом устроился сам.

– В больницу! – велел я водителю, закрыв глаза и откинувшись на сиденье.

– Слава богу! – сказала твоя мать. – Слава богу, что все это закончилось!

Я не открыл глаз.

– Это не закончилось, – проговорил я. – Кто-то обязан понести наказание.

Шарлотта

Не стоит даже говорить, что поездка домой не была такой уж приятной. На тебя надели «ортопедические штаны» – изощренный пыточный инструмент, придуманный докторами. Раковина из гипса, которая покрывала тебя от колен до ребер. Ты находилась в полусогнутом состоянии, необходимом для сращивания костей. Из-за этих «штанов» твои ноги были широко расставлены, чтобы правильно срослись тазобедренные кости.

Вот что нам сказали:

1. Ты будешь носить «ортопедические штаны» четыре месяца.
2. Потом гипс разрежут пополам, и ты несколько недель просидишь в нем, как устрица на половинке раковины, восстанавливая мышцы живота, чтобы вновь иметь возможность выпрямить спину.
3. В гипсе оставят квадратное окошко на животе, что позволит мышцам расширяться, когда ты ешь.
4. Между ногами останется прореха, чтобы ты могла воспользоваться туалетом.

Вот чего нам не сказали:

1. Ты не сможешь сидеть совершенно прямо или лежать на выпрямленной спине.

2. Ты не сможешь полететь обратно в Нью-Гэмпшир в обычном самолетном кресле.

3. Ты даже не сможешь лежать на заднем сиденье обычной машины.

4. Ты долгое время не сможешь удобно сидеть в своем инвалидном кресле.

5. Тебе придется поменять гардероб с учетом «ортопедических штанов».

Узнав все это, мы не уехали из Флориды сразу же. Взяли напрокат «шевроле-субурбан» с тремя рядами сидений и усадили Амелию на заднем. Тебе достался весь средний ряд, который мы обложили пледами, купленными в «Уолмарте». Там же мы приобрели мужские футболки и трусы-боксеры – эластичный пояс легко натягивался поверх гипса. Мы завязывали его сбоку резинкой для волос. Если не присматриваться, трусы даже напоминали шорты. Ни о какой моде речи не шло, главное было закрыть паховую зону, которая оставалась открытой из-за гипсовой повязки.

Мы отправились в долгий путь домой.

Ты спала: все еще действовало обезболивающее, которое тебе давали в больнице. Амелия разгадывала головоломки, то и дело интересуясь, когда мы уже приедем. Мы останавливались перекусить в автомобильных кафе, потому что ты не могла прямо сидеть за столом.

Через семь часов поездки на заднем сиденье заерзала

Амелия.

– Знаете, что миссис Грей заставляет нас писать, как мы классно провели каникулы? Пожалуй, я расскажу, как вы пытались усадить Уиллоу на горшок, чтобы она сходила по-маленькому.

– Даже не смей, – сказала я.

– Что ж, тогда мое сочинение будет ну очень коротким.

– Мы можем немного повеселиться на обратном пути, – предложила я. – Заехать в поместье Грейсленд, которое в Мемфисе... или в Вашингтон Ди-Си...

– Или просто доехать до дома и покончить уже с этим, – сказал Шон.

Я посмотрела на мужа. Зеленый свет от приборной панели маской ложился ему на глаза.

– А можем мы поехать в Белый дом? – спросила Амелия, вытягивая шею.

Я представила себе, какая духота сейчас в Вашингтоне, а мы тащим тебя на руках, поднимаясь по ступенькам до Национального музея воздухоплавания и астронавтики. За окном бежала черная лента дороги, но мы никак не могли поймать ее за хвост.

– Твой отец прав, – наконец сказала я.

Когда мы добрались до дома, слухи уже разнеслись по округе. На кухонной столешнице лежала записка от Пайпер, где перечислялись все, кто приносил противни с едой, ко-

торые подруга прятала в холодильник, и оценочная шкала: пять звезд (съесть в первую очередь), три звезды (лучше, чем «Шеф Боярди»), одна звезда (осторожно, возможен ботулизм). Благодаря тебе я узнала, что люди желают проявить участие, но скорее принесут магазинный пирог с макаронами и сыром, чем приготовят что-то сами. Ты отдаешь готовое блюдо, и долг выполнен, не обязательно участвовать лично, да и совесть чиста. Еда – средство первой помощи.

Люди то и дело спрашивают, как у меня дела, но правда заключается в том, что им это неинтересно. Они смотрят на твой гипс камуфляжного цвета, ярко-розового или неоново-оранжевого. Они видят, как я разгружаю машину, достаю ходунки с прорезиненными ножками, чтобы мы могли тихо идти по тротуару, пока за нашими спинами их дети катались на качелях, играли в вышибалы и занимались другими повседневными делами, которые могли лишь травмировать тебя. Соседи улыбаются мне, потому что хотят проявить вежливость или политкорректность, но в то же время думают: «Слава богу, слава богу, что это случилось у нее, а не у меня!»

Твой отец считает, что несправедливо так говорить. Что некоторые люди и правда хотят помочь. А я отвечаю, что если бы они действительно хотели помочь, то не приносили бы противни с макаронами, а взяли бы Амелию собирать яблоки или покататься на коньках, чтобы она могла прогуляться, когда нет тебя, или прочистили бы канаву перед домом, ко-

торая всегда забивается после урагана. Если бы они действительно хотели стать спасителями, то позвонили бы в страховую компанию и провисели четыре часа на телефоне, споря о счетах, чтобы мне не пришлось этого делать самой.

Шон не понимает, что в большинстве своем люди, предлагающие помощь, делают это ради себя, а не ради нас. Если честно, я их не виню. Есть всякие суеверия: если помогаешь нуждающейся семье... если бросаешь соль через плечо... если не переступаешь через трещины, тогда ты в безопасности. Так можно убедить себя, что ничего страшного не произойдет.

Не поймите меня неправильно: я не жалею. Люди смотрят на меня и думают: «Бедная женщина, ее ребенок – инвалид». Но когда я смотрю на тебя, то вижу девочку, которая к трем годам выучила все слова «Богемной рапсодии» группы «Квин», которая забирается ко мне в постель в грозу – и не потому, что боится, а потому, что боюсь я, девочку, смех которой всегда отзывается в моем сердце, как камертон. Я бы не променяла тебя на ребенка с совершенным телом, потому что он – это не ты.

Утром я провисела пять часов на телефоне, разговаривая со страховой компанией. Наша страховка не покрывала выезды «скорой помощи», однако в больнице Флориды не могли выписать пациента в «ортопедических штанах» без транспортировки «скорой помощью». Вот такой парадокс, и только я его замечала. Наш разговор граничил с абсурдом.

– Давайте проясним, – сказала я четвертому диспетчеру, с которым разговаривала за тот день. – Вы хотите сказать, что мне не нужно было брать «скорую помощь», поэтому вы не можете покрыть расходы.

– Все верно, мэм.

Ты лежала на диване, обложившись со всех сторон подушками, и маркером рисовала полосы на гипсе.

– Не могли бы вы напомнить мне второй вариант? – спросила я.

– Очевидно, что вы могли оставить пациента в больнице.

– Вы ведь понимаете, что такой гипс не будут снимать месяцами. Предлагаете держать там мою дочь так долго?

– Нет, мэм. Только до тех пор, пока не решится вопрос с транспортировкой.

– Но единственный транспорт, на котором нам разрешили увезти ее из больницы, была «скорая»! – воскликнула я. Твоя разукрашенная нога напоминала карамельную трость. – Ваша страховка смогла бы покрыть дополнительное пребывание в больнице?

– Нет, мэм. Максимальное количество дней пребывания для подобных травм...

– Да, мы это уже обсуждали, – вздохнула я.

– Мне кажется, – язвительно сказал диспетчер, – вам не на что жаловаться, раз нужно выбрать между тем, чтобы заплатить за дополнительные сутки в больнице, или несанкционированно вызвать «скорую помощь».

Мои щеки вспыхнули.

– А мне кажется, это идиотизм! – прокричала я и бросила трубку.

Когда я повернулась, то увидела, как маркер вываливается из твоей руки, находясь в опасной близости к диванным подушкам. Ты согнулась, как крендель. Нижняя часть туловища в гипсе все еще была приподнята, голова откинута, чтобы ты могла смотреть в окно.

– Банка ругательств, – пробормотала ты.

Ты завела себе консервную банку, которую обернула переливающейся подарочной бумагой, и каждый раз, когда Шон ругался при тебе, ты брала с него четвертак. Только в этом месяце ты получила сорок два доллара – весь путь до дома из Флориды ты вела подсчеты. Я вынула из кармана четвертак и положила в банку на столике, но ты даже не посмотрела: твое внимание все еще было приковано к улице, где на замерзшем пруду в конце лужайки каталась на коньках Амелия.

Твоя сестра встала на коньки, когда ей было столько же, сколько и тебе. С Эммой, дочерью Пайпер, они дважды в неделю ходили на тренировки, а тебе ничего так не хотелось, как быть похожей на сестру. Однако катание на коньках – тот спорт, в котором тебе никогда не суждено попробовать себя. Однажды ты сломала руку, когда скользила на одной ноге по кухонному линолеуму в носках, представляя, что ты на льду.

– Из-за нашей с папой несдержанной речи ты скоро накопишь денег, купишь билет на самолет и упорхнешь отсю-

да, – пошутила я, стараясь отвлечь тебя. – Куда отправишься? В Вегас?

Ты перевела взгляд с окна на меня:

– Ерунда! До двадцати одного года я не могу играть в блэк-джек.

Шон научил тебя играть в карты. В «Черви», «Техасский Холдем» и пятикарточный стад. Сначала я пришла в ужас, а позже поняла, что игру в «лови рыбку» часами напролет можно официально признать пыткой.

– Значит, на Карибы?

Можно подумать, ты могла бы самостоятельно передвигаться, можно подумать, ты могла бы поехать на каникулы, не думая обо всем этом.

– Может, я купила бы кое-какие книги. Например, доктора Сьюза.

Ты умела читать на уровне шестого класса, хотя твои сверстники еще учили алфавит. Одна из особенностей НО: из-за постоянной неподвижности ты сидела над книгами или в Интернете. Когда Амелия вредничала, то называла тебя Википедией.

– Доктор Сьюз? – переспросила я. – Правда?

– Это не для меня. Вдруг мы сможем отправить книги в ту больницу во Флориде. Там читают только «Где Спот?», а после пятого или шестого раза становится скучно.

Я лишилась дара речи. Мне хотелось забыть о той кошмарной больнице и проклинать последовавшие ужасы обще-

ния со страховой компанией. Ты на четыре месяца застряла в «ортопедических штанах», как в аду, но ты уже преодолела этап жалости к себе. У тебя имелись все причины сетовать на судьбу, однако ты этого никогда не делала. Иногда мне казалось, что люди пьются на тебя не из-за костылей и кресла-каталки, что дело не в инвалидности, а, наоборот, в тех способностях, о которых они даже не мечтали.

Снова зазвонил телефон: на долю секунды я представила, что это глава страховой компании и он лично приносит извинения. Но это была Пайпер.

– У вас все хорошо?

– Вовсе нет. Почему бы тебе не перезвонить через несколько месяцев?

– Ей очень больно? Ты звонила Розенбладу? Где Шон?

– Да, нет, и надеюсь, что удастся заработать достаточно денег, чтобы покрыть кредитные счета за отпуск, который мы так и не получили.

– Слушай, я завтра повезу Эмму на каток и заберу Амелию. Минус одна проблема.

Проблема? Я даже не знала о тренировке Амелии. Этого дела не значилось в конце списка, как и в самом списке.

– Что еще нужно? – спросила Пайпер. – Купить продуктов? Оплатить газ? Прислать Джонни Деппа?

– Я хотела попросить ксанакс, но теперь думаю над третьим вариантом.

– По рукам. Ты замужем за парнем, который похож на Бр-

эда Питта, а тело у Шона даже получше, вот ты и стремишься к длинноволосому типу художественного склада.

– Трава всегда зеленее. – Боковым зрением я отметила, как ты дотянулась до старенького ноутбука и попыталась примостить его у себя на коленях. На неровной гипсовой поверхности он то и дело переворачивался, поэтому я взяла диванную подушку и подложила под него наподобие столика. – К сожалению, прямо сейчас на моей стороне лужайки довольно мрачно.

– Ой, мне пора бежать. Похоже, у моей пациентки показалась головка...

– Я готова отдавать доллар за каждый раз, когда это слышу...

Пайпер засмеялась:

– Шарлотта, попытайся убрать забор на своей лужайке.

Я повесила трубку. Ты что-то лихорадочно печатала двумя пальцами.

– Что делаешь?

– Создаю профиль Gmail для золотой рыбки Амелии, – ответила ты.

– Сомневаюсь, что рыбка в этом нуждается.

– Поэтому попросили меня, а не тебя...

Убери забор.

– Уиллоу, закрой ноутбук. Мы с тобой идем на каток.

– Ты шутишь.

– Нет.

– Но ты сказала...

– Уиллоу, ты будешь спорить или хочешь кататься?

Твое лицо засветилось. Такой улыбки я не видела с тех пор, как мы отправились во Флориду. Я надела свитер и сапоги, потом принесла свое зимнее пальто из прихожей, чтобы накинуть тебе на плечи. Намотала одеяла тебе на ноги и подняла тебя, посадив к себе на бедро. Без гипса ты была пушинкой, а с ним весила пятьдесят три фунта.

Единственное достоинство «ортопедических штанов» – ты прекрасно держалась у меня на бедре, будто их создали как раз для этого. Ты чуть отстранилась от меня, но я смогла обхватить тебя рукой и маневрировать по коридору и спускаясь по крыльцу.

Когда Амелия увидела, как медленно, словно черепашки, мы приближаемся, идя среди сугробов и почерневшего льда, она перестала кружиться.

– Я иду кататься, – пропела ты, и Амелия тут же перевела взгляд на меня.

– Ты слышала.

– Ты ведешь ее кататься? Разве не ты хотела, чтобы папа засыпал пруд? Сама назвала это жестокой и изощренной пыткой для Уиллоу.

– Я убираю забор.

– Какой еще забор?

Я обернула одеяло вокруг твоих бедер и аккуратно опустила тебя на лед.

– Амелия, мне понадобится твоя помощь. Я хочу, чтобы ты присмотрела за Уиллоу. Не спускай с нее глаз, а я сбегаю за коньками.

Я помчалась обратно в дом, остановившись лишь на пороге – убедиться, что Амелия неотрывно смотрит на тебя. Мои коньки были похоронены в корзине в прихожей под слом обуви – не знаю, когда я в последний раз пользовалась ими. Шнурки переплелись, как возлюбленные. Я перебросила коньки через плечо и подняла компьютерное кресло с колесиками. На улице перевернула его, балансируя на голове. В тот момент я воображала себя африканской женщиной в яркой юбке и с корзиной фруктов или мешком риса на голове, которая шла домой кормить семью.

Когда я добралась до нашего крохотного прудика, то опустила стул на лед. Настроила спинку и подлокотники так, чтобы ты могла устроиться в своих «штанах». Потом подняла тебя и усадила в уютное гнездо.

Я села и завязала шнурки на ботинках с коньками.

– Держись, Вики, – сказала Амелия, и ты вцепилась в кресло.

Она встала позади тебя и заскользила по льду. Одежда на твоих ногах надулась, а я крикнула твоей сестре быть поосторожнее. Но Амелия и так очень старалась. Она склонилась над креслом, придерживая тебя одной рукой, а сама набирала скорость. Потом резко поменяла направление, оказавшись лицом к тебе. Она тянула кресло на себя, скользя

по льду спиной.

Когда Амелия закружила тебя, ты запрокинула голову и закрыла глаза. Темные кудряшки твоей сестры выбились из-под полосатой шерстяной шапки, а твой смех развевался над льдом, словно яркий флаг.

– Мама! – выкрикнула ты. – Посмотри на нас!

Я поднялась, ноги мои дрожали.

– Подождите меня, – сказала я, становясь увереннее с каждым шагом.

Шон

В первый рабочий день после отпуска я подошел к своему шкафчику и увидел рядом с формой из химчистки плакат «Разыскивается». Поверх моего лица кто-то написал красным маркером: «Арестован».

– Очень смешно, – буркнул я и сорвал лист бумаги.

– Шон О’Киф, – сказал один из парней, притворившись, что передает микрофон другому копу, – вы только что выиграли «Суперкубок». Что будете делать дальше?

В воздух взлетели зажатые в кулаки руки.

– Я поеду в «Дисней уорлд»!

Парни захохотали.

– Эй, звонил твой турагент, – сказал один. – На следующий отпуск тебе забронировали билеты в тюрьму Гуантанамо.

Капитан заставил всех притихнуть и встал передо мной:

– Серьезно, Шон, ты ведь знаешь, что мы просто поднабиваем тебя. Как там Уиллоу?

– С ней все в порядке.

– Если мы чем-то можем помочь... – сказал капитан, но его предложение повисло в воздухе, как дым.

Я нахмурился, делая вид, что понял их шутку и мне все равно, что я вовсе не чувствую себя посмешищем.

– Разве вам, парни, нечем заняться? Что, думаете, вам тут

полицейский участок Лейк-Буэна-Виста?

Все захохотали с новой силой и пошли прочь из раздевалки, оставив меня одного. Я ударил кулаком в металлический каркас шкафчика, и тот, вздрогнув, открылся. Оттуда вылетел листок бумаги – снова мое лицо, но на этот раз с ушами Микки-Мауса. Внизу надпись: «Мир так тесен».

Вместо того чтобы переодеться, я прошел по коридорам участка в кабинет диспетчера и достал из стопки на полке телефонную книгу. Я просматривал объявления, пока не нашел нужное имя, то, которое видел в бесконечных вечерних рекламах по телевизору: «Роберт Рамирес, адвокат истца. Вы заслуживаете лучшего».

«Заслуживаю, – подумал я. – Как и моя семья».

Я набрал номер.

– Да, – сказал я. – Я хочу записаться на консультацию.

Дома я всегда дежурил по ночам. Вы, девочки, быстро засыпали, Шарлотта шла в душ, потом забиралась в постель, и наступал мой черед выключить свет, запереть все двери, в последний раз обойти дом. Из-за «ортопедических штанов» тебя временно разместили на диване в гостиной. Я уже подошел к ночнику, когда вспомнил это. Тогда вернулся к тебе, поправил одеяло и поцеловал в лоб.

Поднявшись на второй этаж, заглянул к Амелии и пошел в хозяйскую спальню. Шарлотта стояла в ванной комнате, завернутая в полотенце, и чистила зубы. Ее волосы были все

еще мокрыми. Я остановился у нее за спиной и положил руки ей на плечи, потом накрутил на палец локон.

– Обожаю твои волосы, – сказал я, наблюдая, как прядь сворачивается в спираль. – У них словно своя память.

– Скорее свой разум, – сказала Шарлотта, встряхнув шелюрой, прежде чем склониться над раковиной и взяться за щетку. Когда она выпрямилась, я поцеловал ее.

– Мятный вкус.

Шарлотта засмеялась:

– Я что-то пропустила? Мы снимаемся для рекламы зубных щеток «Крест»?

Наши взгляды встретились в зеркале. Интересно, видит ли Шарлотта то же, что и я, когда смотрю на нее. Или, если уж зашел разговор, замечает ли она, что у меня редют волосы на макушке.

– Что ты хотел?

– Откуда ты знаешь, что я чего-то хотел?

– Может, потому, что я замужем за тобой семь лет?

Я прошел за женой в спальню, наблюдая, как она сбрасывает полотенце и переодевается в свободную футболку для сна. Ты бы не хотела услышать подробности – какой ребенок захочет? – но это еще одна причина, по которой я любил твою мать. Даже спустя семь лет она все еще стеснялась переодеваться при мне, хотя я знал каждый дюйм ее тела наизусть.

– Мне нужно, чтобы вы с Уиллоу кое-куда поехали со

мной завтра, – сказал я. – В офис к юристу.

Шарлотта опустила на кровать:

– Зачем?

Я с трудом пытался уместить свои чувства в слова.

– Как с нами обошлись. Этот арест. Я не могу оставить все как есть.

Шарлотта пристально посмотрела на меня:

– А не ты ли хотел просто доехать домой и обо всем забыть?

– Да, и знаешь, чего это стоило мне сегодня? Весь отдел потешается надо мной, как над шутком гороховым. Я всегда останусь копом, которого арестовали. Все, что у меня есть на работе, – это репутация. И они это разрушили. – Я сел рядом с Шарлоттой, взвешивая слова. Я каждый день отстаивал правду, но говорить об этом означало проявить уязвимость. – Они забрали мою семью. Я сидел в той камере и думал о тебе, Амелии и Уиллоу, и все это время мне хотелось кому-нибудь врезать. Стать тем человеком, которого они видели во мне.

Шарлотта подняла на меня взгляд:

– Кто это они?

Я сцепил наши ладони в замок.

– Надеюсь, юрист сможет нам подсказать, – ответил я.

Стены приемной в офисе Роберта Рамиреса покрывали выплаченные счета выигранных тяжб от предыдущих кли-

ентов. Я расхаживал из стороны в сторону, заложив руки за спину, и временами останавливался, чтобы прочесть некоторые из них. «Выплатить \$350 000». «\$1,2 миллиона». «\$890 000». Амелия маячила возле кофемашины.

– Мам, – спросила Амелия, – можно мне?

– Нет, – сказала Шарлотта.

Она сидела рядом с тобой на диване и следила за тем, чтобы гипс не соскользнул с грубого кожаного сиденья.

– Но здесь есть чай. И какао.

– Нет и еще раз нет, Амелия!

Секретарь встала из-за стола:

– Мистер Рамирес готов принять вас.

Я посадил тебя на бедро, и мы пошли за секретарем по коридору в конференц-зал, огороженный стенами из матового стекла. Девушка придержала дверь, но мне все равно пришлось наклонить тебя, чтобы протиснуться. Я перевел взгляд на Рамиреса, хотел посмотреть на его реакцию, когда он увидит тебя.

– Мистер О'Киф, – сказал мужчина и протянул руку.

Я ответил на рукопожатие:

– Это моя жена, Шарлотта, и мои девочки, Амелия и Уиллоу.

– Дамы, – приветствовал Рамирес и повернулся к секретарю. – Бриони, почему бы тебе не принести нам карандаши и пару раскрасок?

За моей спиной фыркнула Амелия. Я знал, о чем она ду-

мала: этот парень понятия не имел, что раскраски – для малышей, а не для девочек-подростков, которые носят лифчик.

– Стомиллиардный карандаш, сделанный компанией «Crayola», был цвета барвинок, – сказала ты.

Рамирес изогнул брови.

– Рад это узнать, – ответил он, потом махнул женщине, которая стояла неподалеку. – Хочу представить вам мою коллегу, Марин Гейтс.

Женщина выглядела так, как и полагается юристу: забранные назад черные волосы, темно-синий костюм. Она могла показаться симпатичной, но что-то в ее внешности выбивалось. «Должно быть, губы», – решил я. Женщина словно выплюнула нечто очень противное.

– Я пригласил Марин поучаствовать в нашей встрече, – сказал Рамирес. – Прошу, садитесь.

Но не успели мы сдвинуться с места, как вернулась секретарь с раскрасками. Девушка передала Шарлотте черно-белые листовки с заголовками «РОБЕРТ РАМИРЕС, АДВОКАТ».

– Смотри, – сказала ваша мать, взволнованно глянув в мою сторону. – Кто бы мог подумать, что в адвокатской конторе по искам будут свои раскраски?

Рамирес заулыбался:

– Интернет – удивительное место.

Сиденья в конференц-зале оказались слишком узкими для «ортопедических штанов». После трех бесплодных по-

пыткок сесть с тобой я вновь взял тебя на руки и повернул лицом к адвокату.

– Чем мы можем вам помочь, мистер О’Киф? – спросил адвокат.

– Сержант О’Киф, – поправил я. – Я работаю в Бэнктоне, штат Нью-Гэмпшир, в полицейском участке. Уже девятнадцать лет. Мы с семьей только что вернулись из «Дисней уорлд», по этой причине я пришел сегодня к вам. Со мной еще никогда так ужасно не обращались. Поездка в «Дисней уорлд» – что тут может быть необычного, да? Однако нас с женой арестовали, детей у меня забрали и передали в органы опеки, младшая дочь оказалась в больнице одна, перепуганная до смерти... – Я перевел дыхание. – Частная жизнь – это фундаментальное право, которое было невыносимым образом нарушено для моей семьи.

Марин Гейтс прокашлялась:

– Вижу, вы до сих пор расстроены, офицер О’Киф. Мы попытаемся помочь вам... но нам нужно, чтобы вы немного замедлили темп и вспомнили, как все было. Почему вы поехали в «Дисней уорлд»?

И я рассказал ей. Рассказал про несовершенный остеогенез, про мороженое, про то, как ты упала. Про мужчин в черных костюмах, которые вывели нас из парка аттракционов и вызвали «скорую помощь», желая побыстрее избавиться от нас. Про женщину, которая увезла Амелию, про нескончаемые допросы в полицейском участке и то, как никто не верил

мне. Про шутки от моих коллег в полицейском участке.

– Мне нужны имена. Я хочу подать иск в суд, и побыстрее. Хочу засудить сотрудников «Дисней уорлд», больницу, полицейский участок. Хочу, чтобы ответственные за свои должности люди понесли наказание, хочу денежной компенсации за тот ад, через который мы прошли.

Когда я замолчал, лицо мое пылало. Я не мог взглянуть на твою мать, не хотел видеть выражения ее лица.

Рамирес кивнул:

– Вы говорите о довольно дорогостоящем процессе, сержант О’Киф. Любой юрист, который за него возьмется, сперва должен проанализировать затраты и прибыль. Я могу сказать вам прямо сейчас, что, пусть вы и ждете денежной компенсации, вы ее не получите.

– Но те чеки у вас в приемной...

– Остались после процессов, где имелись веские жалобы. Из вашего рассказа я могу сделать вывод, что сотрудники «Дисней уорлд», больницы и органов опеки просто выполняли свои обязанности. Врачи имеют законное право докладывать в полицию о подозрениях на жестокое обращение с детьми. Без справки от лечащего врача полиция имела все основания арестовать вас в штате Флорида. Органы опеки обязаны защитить в такой ситуации детей, особенно когда они слишком малы и не могут самостоятельно говорить о состоянии своего здоровья. Надеюсь, что, как страж правопорядка, вы отступите на шаг и посмотрите на произошед-

шее трезво. Тогда вы увидите, что как только Нью-Гэмпшир предоставил информацию о здоровье вашего ребенка, то детей сразу же вернули, вас с женой отпустили... Конечно, вам пришлось непросто. Однако раздражение не повод для подобных исков.

– Что насчет морального ущерба? – вспыхнул я. – Вы хоть понимаете, каково было мне? И моим детям?

– Уверен, что ежедневные заботы о ребенке с подобными осложнениями куда тяжелее, – сказал Рамирес; Шарлотта тут же перевела на него взгляд, и адвокат сочувственно улыбнулся ей. – Я лишь хочу сказать, что это непросто. – Он подался вперед, чуть нахмурившись. – Но я не так много знаю о... как это называется? Остео...

– Несовершенный остеогенез, – тихо проговорила Шарлотта.

– Сколько переломов было у Уиллоу?

– Пятьдесят два, – вмешалась в разговор ты. – А вы знаете, что единственная кость, которую еще ни разу не ломали фигуристы на льду, – это слуховая косточка?

– Нет, я не знал, – потрясенно ответил Рамирес. – Вижу, ваша девочка особенная.

Я пожал плечами. Уиллоу, ты оставалась самой собой, чистой и простодушной. Другой такой не было. Я понял это в тот момент, когда взял тебя на руки, завернутую в пенистый материал, что уберег бы от травм: твой дух был крепче тела, и, несмотря на слова врачей, я всегда считал, что перело-

мы случались именно поэтому. Какой скелет выдержит столь огромное сердце?

Марин Гейтс прокашлялась:

– Как вы зачали Уиллоу?

– Э-э-э... – подала голос Амелия, о которой я совершенно позабыл. – Какой отстой!

Я покачал головой, предостерегающе глядя на нее.

– Нам было непросто, – сказала Шарлотта. – Мы уже собирались прибегнуть к ЭКО, но тут я обнаружила, что беременна.

– Еще отстойнее, – вздохнула Амелия.

– Амелия! – Я передал тебя матери и притянул к себе твою сестру. – Подожди нас за дверью, – тихо проговорил я.

Когда мы вышли в приемную, секретарь посмотрела на нас, но ничего не сказала.

– О чем вы будете дальше говорить? – с вызовом спросила Амелия. – О своем геморрое?

– Хватит! – прикрикнул я, стараясь не устраивать сцен перед секретарем. – Мы скоро уйдем.

Возвращаясь по коридору, я услышал цоканье высоких каблуков: к Амелии подошла секретарь.

– Хочешь чашечку какао? – спросила девушка.

Когда я зашел в конференц-зал, то услышал голос Шарлотты:

– ...но мне было тридцать восемь лет, – сказала она. – Знаете, что пишут в карте пациентки, когда ей тридцать во-

семь? «Старородящая». Я переживала, что у ребенка обнаружат синдром Дауна, о несовершенном остеогенезе я и не слышала.

– Вам не делали амниоцентез?

– Амнио не сразу показывает, будет ли у плода несовершенный остеогенез. Такое исследование проводят, когда случаи встречались в семье. Но заболевание Уиллоу не передалось по наследству, а стало спонтанной мутацией.

– Значит, до рождения Уиллоу вы не знали, что у нее будет НО? – спросил Рамирес.

– Мы узнали на втором УЗИ Шарлотты, когда стали видны переломы, – ответил я. – На этом мы закончили? Если вы не хотите браться за дело, уверен, мы можем найти...

– Помнишь тот необычный показатель на первом УЗИ? – повернулась ко мне Шарлотта.

– Какой показатель? – спросил Рамирес.

– Специалист УЗИ сказала, что рисунок мозга предельно четкий.

– А он не может быть слишком четким, – сказал я.

Рамирес и его коллега обменялись взглядами.

– И что сказал ваш врач?

– Ничего, – пожала плечами Шарлотта. – Никто не упомянул несовершенный остеогенез, пока мы не сделали УЗИ на двадцать седьмой неделе и не увидели все переломы.

Рамирес повернулся к Марин Гейтс.

– Проверь, можно ли диагностировать заболевание на

ранних стадиях беременности, – велел он, потом снова посмотрел на Шарлотту. – Вы могли бы предоставить свои медицинские документы? Нам нужно понять, есть ли основание для возбуждения иска...

– Я думал, у нас нет веской жалобы.

– Возможно, есть, офицер О'Киф. – Роберт Рамирес посмотрел на тебя так, словно пытался запомнить черты твоего лица. – Только совершенно другая.

Марин

Двенадцать лет назад я еще училась на последнем курсе колледжа, никуда особенно не спешила, но как-то раз мы с мамой сели за кухонный стол и обстоятельно обо всем побеседовали (подробнее позже).

– Я не знаю, кем хочу стать.

По иронии я и на тот момент была неизвестно кем. Я с пяти лет знала, что меня удочерили – корректный термин для того, кто понятия не имеет о своем происхождении.

– А чем бы ты хотела заниматься? – спросила мама, сделав глоток черного кофе.

Я же пила кофе с молоком и сахаром – одно из многочисленных различий между нами, ведущих к немым вопросам: а моя настоящая мать тоже любила кофе с молоком и сахаром? Была ли она голубоглазой, как и я, с высокими скулами, тоже левшой?

– Я люблю читать, – сказала я и закатила глаза. – Какая глупость!

– А еще ты любишь спорить. – (Я усмехнулась.) – Читать и спорить. Милая, – просияла вдруг мама, – ты обязана стать юристом.

Спустя девять лет я оказалась в кабинете гинеколога из-за плохих результатов в цитологическом мазке. Пока я ждала врача, перед глазами промелькнула жизнь, которой у меня

не было, дети, рождение которых я откладывала на потом, ведь я с головой ушла в юридическую учебу и карьеру; мужчины, свидания с которыми я отменяла, желая доделать адвокатский отчет; загородный дом, который я не купила, потому что работала целыми днями и не успевала насладиться просторной тиковой верандой и видом на горы.

– Давайте посмотрим медицинскую историю вашей семьи, – сказал врач.

Я ответила стандартной фразой:

– Меня удочерили. Я не знаю медицинскую историю своей семьи.

С результатами анализов все обошлось – случилась лабораторная ошибка, – но именно в тот день я решила начать поиски биологических родителей.

Знаю, о чем вы подумали: неужели я не счастлива в приемной семье? Ответ: счастлива. Поэтому до тридцати одного года я не занималась поисками. Я всегда была счастлива и благодарна, что выросла в этой семье, другой я не желала. И мне совсем не хотелось огорчать родителей такими новостями.

Всю свою жизнь я знала, что мои приемные родители мечтали об удочерении, и понимала, что биологические отец и мать отказались от меня. Мама отделалась банальной фразой, что мои настоящие родители были молоды и не готовы заводить семью. Разумом я все понимала, но в глубине души затаила обиду. Наверное, я хотела выяснить, почему меня

бросили. Переговорив с приемными родителями – мама все время плакала, но обещала помочь, – я неторопливо взялась за поиски, на которые не решалась шесть месяцев.

Что значит быть приемным ребенком? Это как прочитать книгу, первые главы которой вырваны. Вам нравится сюжет и персонажи, но все равно тянет прочесть первую строку. Вы несете книгу обратно в магазин со словами, что там отсутствует первая глава, а вам отвечают, что продать целый экземпляр не могут. А что, если вы прочтете первую главу и поймете, что книга вам уже не нравится, и вы оставите ужасный отзыв на «Амазоне»? А что, если заденете чувства автора? Не лучше ли довольствоваться тем, что есть, и просто наслаждаться историей?

Архивы о приемных детях хранились в закрытом доступе, куда не могла проникнуть даже я, знавшая, за какие ниточки можно тянуть законным путем. Я с титаническими усилиями совершала каждый шаг в своих поисках, неудачи встречались чаще успехов. За первые три месяца я отдала частному детективу более шестисот долларов – за слова, что он ничего не нашел. Я могла сделать то же самое бесплатно.

Но вот беда, моя работа то и дело мешала поискам.

Как только мы проводили семейство О'Киф из офиса, я повернулась к начальнику.

– При чем тут архивы?! – возмутилась я. – Подобный иск идет вразрез с моими принципами.

– Не думаешь ли ты, – протянул Боб, – что есть вероят-

ность получить самую большую компенсацию за врачебную халатность и неправомерное рождение в штате Нью-Гэмпшир?

– Это неизвестно...

Он пожал плечами:

– Все зависит от медицинской истории.

Иск о врачебной халатности при ведении беременности и, соответственно, неправомерном рождении подразумевает, что мать, зная о серьезном дефекте ребенка во время беременности, имела возможность сделать аборт. Бремя ответственности за последующую инвалидность ребенка ложится на акушера-гинеколога. С точки зрения истца, это случай врачебной халатности. Защита рассматривает такое дело с точки зрения морали: кто имеет право решать, какая именно инвалидность мешает человеку прожить свою жизнь?

Многие штаты запретили иски о неправомерном рождении. Штат Нью-Гэмпшир в их число не входил. Было несколько успешных тяжб родителей, чьи дети появились на свет с врожденной спинномозговой грыжей или кистозным фиброзом, а в одном из случаев рассматривали дело мальчика с отставанием в развитии и прикованного к инвалидному креслу из-за генетической мутации: заболевание не выявили заранее и не заметили в утробе матери. В Нью-Гэмпшире родители несли ответственность за заботу о детях-инвалидах всю их жизнь – не только до восемнадцати лет, что являлось веской причиной требовать компенсации. Конечно, история

Уиллоу О'Киф, в ее громоздких «ортопедических штанах», была печальной, однако девочка улыбалась и отвечала на вопросы. Когда ее отец вышел из конференц-зала, Боб решил пообщаться с ней. Она показалась ему милым и умным ребенком, который мог четко выражать свои мысли, а значит, процесс мог выйти куда более сложным для вынесения вердикта присяжными.

– Если акушер-гинеколог Шарлотты О'Киф не проявила достаточного внимания, – сказал Боб, – тогда врача стоит привлечь к ответу, чтобы подобного не повторилось.

Я закатила глаза:

– Боб, когда собираешься заработать несколько миллионов, нельзя играть на совести. Вопрос очень щекотливый. А что, если акушер порекомендует избавиться от ребенка с хрупкими костями, что дальше? Может, пренатальный тест на низкий уровень IQ, чтобы можно было сразу искоренить плод, не дав ему развиваться и пойти в Гарвард?

Боб похлопал меня по спине:

– Знаешь, здорово, что ты так увлечена нашим делом. Когда люди возлагают слишком большие надежды на развитие науки в сфере лечения болезней, я радуюсь, что биоэтика не была востребована, когда свирепствовали полиомиелит, туберкулез и желтая лихорадка. – Боб вдруг остановился и повернулся ко мне. – Ты неонацистка?

– Что?

– Я спросил на всякий случай. Будь твой клиент неона-

цистом в деле о криминальном преступлении, смогла бы ты выполнить свою работу, даже считая его убеждения неприемлемыми?

– Конечно. Это вопрос для первокурсников юридического факультета, – немедленно отозвалась я. – Но это совсем другое дело.

Боб покачал головой:

– Понимаешь ли, Марин, вовсе не другое.

Он скрылся за дверью в свой кабинет, и я застонала от раздражения. Зайдя к себе, я сбросила туфли, прошептывала к столу и села. Бриони принесла мою корреспонденцию, аккуратно перевязанную резинкой. Я просмотрела конверты, сортируя их на стопки по разным делам, пока не нашла незнакомый адрес.

Месяц назад, когда я уволила частного детектива, то отправила письмо в суд округа Хиллсборо, чтобы получить постановление об удочерении. За десять долларов можно было получить копию оригинала. Вооружившись этим документом и знанием того, что я родилась в больнице Святого Джозефа в Нашуа, я планировала пройти по инстанциям и разведать имя моей биологической матери. Я надеялась, что какой-нибудь стажер по незнанию забыл стереть мое настоящее имя из документа. Вместо этого я договорилась со служащей по имени Мейси Донован, которая, должно быть, работала в окружном суде с тех самых пор, как вымерли динозавры. Именно она отправила мне конверт, который я сейчас

держала в руках.

ОКРУЖНОЙ СУД ХИЛЛСБОРО, НЬЮ-ГЭМПШИР ПО ЗАПРОСУ: УДОЧЕРЕНИЕ МЛАДЕНЦА

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Сегодня, 28 июля 1973 года, после рассмотрения ходатайства и по итогам слушания, а также по расследованию суда для проверки указанного в прошении и других фактов, чтобы предоставить суду полную информацию по целесообразности предложенного удочерения.

Суд, принимая во внимание все данные, признает правдивым ходатайство, а также то, что удочерение обеспечит благополучную жизнь младенцу, предложенному для удочерения. Суд постановил, что девочка, предложенная для удочерения, имеет все права ребенка и наследника Артура Уильяма Гейтса и Ивонн Шугармен Гейтс, и будет выполнять обязанности такого ребенка, а также с этого момента принимает имя МАРИН ЭЛАЙЗА БЕТ ГЕЙТС.

Я перечитала письмо во второй раз и в третий. Внимательно посмотрела на подпись судьи – Альфред кто-то там. За десять долларов мне предоставили шокирующую инфор-

мацию, что я

1. Женщина.

2. Меня зовут Марин Элизабет Гейтс.

А чего я ожидала? Открытку «Холлмарк» от моей биологической матери и приглашение на воссоединение семьи в этом году? Со вздохом я открыла шкаф для документов и бросила постановление в папку с пометкой «ЛИЧНОЕ». Потом достала новый конверт и написала на ярлыке «О'КИФ».

– Неправомерное рождение, – громко проговорила я, пробуя слова на вкус: они горчили, как кофейные зерна.

Я сосредоточила все свое внимание на новом деле, намекавшем, что есть дети, которым не следует появляться на свет, и послала молчаливую благодарность своей биологической матери за то, что она решила иначе.

Пайпер

Формально я была твоей крестной. Должно быть, мне следовало отвечать за твое религиозное образование – какая ирония судьбы, ведь я ни разу не переступила порога церкви (возможно, я просто боялась крыши, которая вспыхнет праведным огнем), а вот твоя мать редко пропускала воскресную мессу. Мне нравилась сказочная версия крестной матери – что однажды, с помощью мышей в крохотной одежде или без нее, я превращу тебя в принцессу.

Я редко появлялась в вашем доме с пустыми руками. Шарлотта говорила, что я балую тебя, но я же не бриллиантами тебя увешивала и не давала ключи от «хаммера». Я привозила игры, шоколадные батончики, мультфильмы, из которых выросла Эмма. Даже когда я приезжала напрямую из больницы, то импровизировала: надувала резиновую перчатку и завязывала ее как шарик. Из операционной прихватывала шапочку для волос. «В тот день, когда ты привезешь ей гинекологическое зеркало, – говорила Шарлотта, – двери этого дома закроются перед тобой».

– Привет! – кричала я с порога; если честно, не припомню случая, когда стучалась бы. – Даю тебе пять минут, – сказала я, когда Эмма побежала вверх к Амелии. – Не снимай пальто.

Я прошла по коридору в гостиную Шарлотты, где ты ле-

жала в своих «ортопедических штанах» и читала.

– Пайпер! – просияла ты.

Глядя на тебя, я все чаще замечала не дефекты костей или низкий рост, свойственные твоему заболеванию. Я вспоминала, как плакала твоя мать, потому что у нее снова не вышло забеременеть. Или как она забрала у меня стетоскоп, чтобы послушать биение твоего крохотного, как у колибри, сердечка.

Я села рядом с тобой на диван и вынула из кармана пальто новый сувенир – пляжный мяч. Уж поверь, не так просто раздобыть его в феврале.

– Мы так и не дошли до пляжа, – сказала ты. – Я упала.

– А-а-а... Но это не просто пляжный мяч, – отозвалась я, надувая его до тех пор, пока он не стал похож на живот беременной на девятом месяце. Я положила его между твоих ног, прижимая к гипсу, и похлопала. – Это, – сказала я, – бонго.

Ты засмеялась и тоже застучала по пластиковой поверхности. На звук в комнату вошла Шарлотта.

– Выглядишь кошмарно, – сказала я. – Когда ты в последний раз спала?

– Боже, Пайпер, я тоже рада тебя видеть...

– Амелия готова?

– Для чего?

– Для катка.

Шарлотта шлепнула ладонью по лбу.

– Совершенно вылетело из головы. Амелия! – крикнула она, а потом мне: – Мы только что вернулись домой от юриста.

– И как? Шон все еще грозитя засудить весь мир?

Вместо ответа Шарлотта хлопнула по пляжному мячу. Ей не нравилось, когда я критиковала Шона. Твоя мать была моей самой лучшей подругой, а вот отец выводил из себя. Если он что-то вбивал себе в голову, то все, конец, – его уже было не переубедить. Шон видел мир в черно-белом цвете, а я обожаю всплеск красок.

– Угадай что, Пайпер, – вдруг сказала ты. – Я тоже ходила на каток.

Я взглянула на Шарлотту, которая кивнула мне. Подруга до ужаса боялась пруда на заднем дворе и всех его соблазнов. Я с нетерпением ждала истории об их приключении.

– Если ты забыла о катке, то забыла и о распродаже выпечки?

Шарлотта вздрогнула:

– А ты что испекла?

– Брауни, – ответила я. – В форме коньков. А вместо лезвий и шнурков – глазурь. Понимаешь? Коньки с глазурью?

– Ты испекла брауни? – сказала Шарлотта, и я последовала за ней на кухню.

– Сама! Остальные мамочки уже внесли меня в черный список, потому что я пропустила весеннюю встречу ради медицинской конференции. Стараюсь наверстать упущенное.

– И когда ты взбила тесто? Пока накладывала швы после эпизиотомии? После полутора суток работы? – Шарлотта открыла кладовую и порылась на полках, пока не нашла упаковку чипсов «Ahoy!» и не высыпала их на блюдо. – Серьезно, Пайпер, тебе обязательно быть такой чертовски идеальной?

Подруга вилкой потрогала кексы.

– Ничего себе! – воскликнула я. – Кто подлил мочи в твой «Чириос»?

– А ты чего ожидала? Влетаешь сюда на крыльях бабочки, говоришь мне, что я кошмарно выгляжу, а потом выставлешь меня и вовсе немощной...

– Ты главный кондитер, Шарлотта. Ты можешь печь сутки на... Что ты, черт побери, делаешь?!

– Придаю им более домашний вид, – сказала Шарлотта. – Я больше не главный кондитер. Уже довольно давно.

Когда я познакомилась с Шарлоттой, ее только объявили лучшим шеф-кондитером в Нью-Гэмпшире. Впервые я прочла о ней в журнале, который расхваливал ее умение соединять несовместимые ингредиенты и выдавать самые удивительные кондитерские изделия. Именно Шарлотта раньше приходила в мой дом не с пустыми руками – приносила капкейки с глазурью из сахарной ваты, пироги с ягодами, которые взрывались как фейерверки, пудинги, напоминавшие пищу богов. Суфле у нее выходили легкими, как летние облачка, а шоколадное фондю стирало лишние мысли, нако-

пившиеся в голове за день. Шарлотта рассказывала, что когда занимается выпечкой, то заглядывает внутрь себя, а все остальное утрачивает смысл, ведь она вспоминает свое истинное предназначение. Я ей завидовала. Я тоже могла похвастаться призванием – я была чертовски хорошим врачом, но Шарлотта обладала настоящим талантом. Она мечтала открыть кондитерский магазин и написать кулинарный бестселлер. Я даже представить себе не могла, что она может любить что-то больше выпечки. Пока не родилась ты.

Я отодвинула поднос в сторону:

– Шарлотта, ты в порядке?

– Поглядим. На прошлых выходных меня арестовали, моя дочь замурована в гипс, а у меня пока даже не было времени принять душ. Конечно, все просто супер! – Она повернулась к дверному проему и лестнице, которая вела на второй этаж. – Амелия! Идем!

– У Эммы тоже, когда ей надо, пропадает слух, – сказала я. – Клянусь тебе, она игнорирует меня намеренно! Вчера я восемь раз просила ее привести в порядок кухонную столешницу...

– Знаешь что, – устало сказала Шарлотта, – меня сейчас мало волнует, какие у вас с дочерью проблемы.

Моя челюсть уже распахнулась от удивления. Я всегда была доверенным лицом Шарлотты, а не грушей для битья, но она покачала головой и извинилась:

– Прости. Не знаю даже, что со мной не так. Мне не сле-

довало срываться на тебе.

– Все в порядке.

В тот момент старшие девочки сбежали по лестнице и понеслись мимо нас, смеясь и перешептываясь. Я положила ладонь на руку Шарлотты.

– Чтобы ты знала, – решительно проговорила я, – ты самая преданная мать, какую я когда-либо видела. Ты посвятила всю свою жизнь заботе о Уиллоу.

Она опустила голову и кивнула, прежде чем снова посмотреть на меня:

– Помнишь ее первое УЗИ?

На секунду я задумалась, потом улыбнулась:

– Мы видели, как она сосет свой большой палец. Мне даже не пришлось говорить об этом вам с Шоном, все было ясно как день.

– Точно, – повторила твоя мать. – Ясно как день.

Шарлотта

Март 2007 года

А что, если кто-то все-таки виноват?

Эта мысль, как сорное семя, поселилась в глубине моей души, когда мы выходили из офиса юристов. Лежа рядом с Шоном и не в силах уснуть, я слышала пульсацию в крови, словно барабанную дробь: что, если, что, если, что, если. Целых пять лет я любила тебя, опекала, носила на руках при очередном переломе. Я получила именно то, чего отчаянно желала: прекрасного ребенка. Разве могла я признаться кому-то, а уж тем более себе, что твое рождение было не только самым замечательным событием в моей жизни... но еще и самым изнурительным, самым невыносимым?

Люди жаловались, что их дети грубят, или сердятся, или даже попадают в переделки, нарушая закон, а я слушала и завидовала. Когда их детям исполнится восемнадцать, они будут сами по себе, совершать собственные ошибки, сами нести ответственность. Но ты не из тех птенцов, что вылетают из родительского гнезда. А что, если ты упадешь?

И как ты будешь жить, когда меня не будет рядом, кто подхватит тебя?

Прошла неделя, за ней еще одна. Я поняла, что юридическая фирма Роберта Рамиреса, должно быть, питает ко мне

то же отвращение, что и я сама, за все эти тайные мысли. Я решила отвлечься и порадовать тебя. Мы играли в скрэбл, пока я не выучила наизусть все слова из двух букв, смотрела передачи по «Энимал планет», пока не запомнила весь текст. Твой отец вернулся к рабочей рутине, Амелия снова пошла в школу.

Утром мы с тобой оказались в тесной ванной на первом этаже. Я держала тебя на руках лицом к себе, балансируя над унитазом, чтобы ты могла сходить в туалет.

– Пакеты, – сказала ты. – Они мешают!

Одной рукой, пытая под тяжестью веса, я поправила мусорные пакеты, обернутые вокруг твоих ног. После нескольких неудачных попыток я поняла, как пользоваться ванной комнатой, когда на тебе гипсовые штаны, – еще один любопытный нюанс, о котором забыли сказать врачи. От родителей в онлайн-форумах я узнала, что нужно подложить пластиковые мусорные мешки под край гипса, где было открытое место, своего рода прокладка, чтобы гипс оставался сухим и чистым. Нет нужды говорить, что поход в ванную комнату с тобой занимал около получаса. После нескольких провалов ты стала предугадывать, когда тебе нужно в туалет, а не терпеть до последнего.

– Каждый год в туалете травмируются сорок тысяч человек, – сказала ты.

Я стиснула зубы.

– Ради всего святого, Уиллоу, сосредоточься, чтобы не бы-

ло сорок тысяч первого.

– Хорошо, я все.

Искусным маневром я передала тебе рулон туалетной бумаги и подождала, когда ты вытрешься.

– Молодец! – похвалила я, нажимая на смыв, и с радостью попятилась из узкой ванной. Но зацепилась о коврик кроссовкой и поняла, что теряю равновесие. Изогнулась так, чтобы упасть первой и смягчить своим телом твое падение.

Не знаю, кто из нас первой засмеялся, а когда одновременно зазвонили в дверь и телефон, мы лишь захохотали еще громче. Стоило поменять сообщение на автоответчике: «Простите, я не могу ответить прямо сейчас. Я держу над унитазом дочь в пятидесятифунтовом гипсе».

Я приподнялась на локтях и увлекла тебя за собой. Дверной звонок снова нетерпеливо задребезжал.

– Иду! – выкрикнула я.

– Мамочка! – завизжала ты. – А мои штанишки!

Ты все еще была полуголой после нашего похода в ванную комнату, а одеть тебя во фланелевые пижамные штаны заняло бы еще десять минут пыток. Вместо этого я взяла мусорный пакет, засунутый за гипс, и обмотала вокруг твоей талии наподобие черной пластиковой юбки.

На крыльце стояла миссис Дамброски, соседка, жившая на нашей улице. У нее было двое внуков-близнецов твоего возраста, которые в прошлом году навещали ее. Когда она уснула, они украли ее очки и подожгли сухую листву – огонь

перекинулся бы на гараж, если бы в самый нужный момент не пришел почтальон.

– Здравствуй, дорогуша, – сказала миссис Дамброски. – Надеюсь, я не помешала.

– Нет, что вы, – ответила я. – Мы просто...

Я посмотрела на тебя в этом мусорном пакете вместо юбки, и мы снова рассмеялись.

– Я бы хотела забрать противень, – сказала миссис Дамброски.

– Ваш противень?

– В котором я приготовила лазанью. Надеюсь, она пришлась вам по вкусу.

Скорее всего, это блюдо ожидало нас среди множества других, когда мы вернулись из ада под названием «Дисней уорлд». Если честно, мы съели далеко не все, кое-что все еще хранилось в морозильной камере. Макароны с сыром, лазанья и запеченные зити – куда больше, чем сможет осилить человек.

Мне казалось, что если ты принес блюдо больному человеку, то не лишним будет спросить, доели ли его и готовы ли вернуть твой стеклянный противень.

– Я поищу ваш противень, миссис Дамброски, а Шона попрошу занести его вам домой.

Женщина поджала губы:

– Тогда мне придется ждать, чтобы приготовить запеканку с тунцом.

Я представила, как передаю тебя в руки миссис Дамброски, похожие на крылья курицы, и наблюдаю, как она прогибается под твоим весом, а я иду к морозильной камере, ищу ее дурацкую лазанью и бросаю к ногам, но вместо этого я вежливо улыбнулась:

– Спасибо вам за понимание. Мне нужно уложить Уиллоу спать, – и закрыла дверь.

– Я ведь не сплю днем, – возразила ты.

– Знаю. Мне пришлось так сказать, чтобы она ушла и я не успела ее убить.

Я занесла тебя в гостиную и усадила, подложив кучу подушек, чтобы тебе было удобнее. Потом потянулась за пижамными штанами и нагнулась нажать на мигающую кнопку на автоответчике.

– Сперва левую ногу, – сказала я, натягивая широкую резинку пояса поверх гипса.

У вас новое сообщение.

Я засунула в штанину твою правую ногу и натянула на гипс.

Мистер и миссис О'Киф, это Марин Гейтс из юридической фирмы Роберта Рамиреса. Мы хотели бы обсудить с вами один вопрос.

– Мам, – прошептала ты, когда мои руки замерли у тебя на талии.

Я собрала излишек ткани в узел.

– Да, – сказала я, и сердце мое забилося чаще. – Я почти закончила.

На этот раз Амелия была в школе, но Уиллоу пришлось взять с собой в фирму. Юристы подготовились: рядом с кофемашиной стояли пачки сока; возле глянцевых журналов по архитектуре лежала стопка книг с картинками. Когда секретарь вновь привела нас на встречу, то проводила не в конференц-зал. Вместо этого девушка распахнула дверь в кабинет, где царствовали сто оттенков белого: от пола из выбеленного дерева до кремовых стенных панелей и пастельных кожаных диванов. Ты изогнула шею, разглядывая все кругом. Не показалось ли тебе это место похожим на рай? И кем тогда считался Роберт Рамирес?

– Я подумал, что на диване Уиллоу будет удобнее, – спокойно сказал юрист. – И еще, что она захочет посмотреть фильм, а не слушать разговоры взрослых о таких скучных вещах.

Он поднял диск с мультфильмом «Рататуй» – твоим любимым, хотя откуда Рамиресу было это знать. Когда мы посмотрели мультик впервые, то в самом деле приготовили это блюдо на ужин.

Марин Гейтс принесла переносной DVD-плеер и современные наушники. Устроила тебя на диване, включила устройство и вставила соломинку в пачку сока.

– Сержант О'Киф, миссис О'Киф, – сказал Рамирес, – мы

решили, что будет лучше обсудить наш вопрос без Уиллоу, но также мы понимаем, что, учитывая ее состояние, это физически невозможно. Именно Марин придумала идею с просмотром фильма. За две недели она проделала огромную работу. Мы проверили ваши медицинские документы и отдали их экспертам. Имя Маркус Кавендиш что-нибудь вам говорит?

Мы с Шоном переглянулись и покачали головами.

– Доктор Кавендиш – шотландец. Он один из лучших специалистов по несовершенному остеогенезу в мире. Если верить ему, у вас есть веские основания подать иск о медицинской халатности на вашего акушера-гинеколога. Вы помните, миссис О'Киф, что на восемнадцатой неделе у вас был предельно четкий снимок УЗИ... Это веское доказательство, которое упустила из виду ваша акушер-гинеколог. Ей следовало заблаговременно распознать болезнь ребенка, а не увидеть сломанные кости на позднем сроке. После этого она должна была предоставить вам эту информацию в ходе беременности, что могло бы повлиять на конечный результат.

У меня голова пошла кругом, а Шон выглядел растерянным.

– Подождите. Что это за иск?

Рамирес посмотрел на тебя:

– Неправомерное рождение.

– И что это, черт подери, значит?!

Адвокат бросил взгляд на Марин Гейтс, которая прокашлялась и пояснила:

– Иск о неправомерном рождении дает родителям право подать в суд на возмещение ущерба, вызванного рождением ребенка с тяжелыми формами инвалидности и уходом за ним. Это означает, что, скажи вам врач заранее о дефектах ребенка, у вас появился бы выбор, продолжать беременность или нет.

Я вспомнила, как несколько недель назад сорвалась на Пайпер: «Тебе обязательно быть всегда такой идеальной?»

А что, если один раз – с тобой – она все же не была идеальной?

Я была прикована к креслу, как и ты. Не могла пошевелиться или вздохнуть. Вместо меня заговорил Шон.

– Хотите сказать, что моя дочь не должна была родиться? – обвинительным тоном сказал он. – Что она ошибка? Я не собираюсь слушать этот бред!

Я взглянула на тебя: ты сняла наушники и впитывала каждое слово.

Когда твой отец встал, то же сделал и Роберт Рамирес:

– Сержант О'Киф, знаю, как ужасно это звучит. Но термин «неправомерное рождение» – юридический. Мы вовсе не хотим, чтобы ваш ребенок не рождался, она прекрасна! Мы просто считаем, что, когда врач не выполняет требования стандартного ухода за пациентом, кто-то должен понести за это ответственность. – Рамирес шагнул вперед. – Это

медицинская халатность. Подумайте о времени и всех днях, которые ушли на заботу о Уиллоу и которые вы потратите в будущем. Почему за чужую ошибку должны расплачиваться вы?

Шон навис над адвокатом, и на мгновение я даже подумала, что он сметет Рамиреса со своего пути. Но вместо этого муж ткнул ему пальцем в грудь.

– Я люблю свою дочь, – грозно сказал Шон. – Я люблю ее.

Он поднял тебя на руки, дернув за наушники так, что перевернулся DVD-проигрыватель и на кожаный диван опрокинулся сок.

– Ах! – воскликнула я и полезла в сумку за салфеткой, чтобы вытереть лужицу.

Эта роскошная кремовая кожа будет испорчена!

– Все в порядке, миссис О’Киф, – буркнула Марин, опустившись на колени рядом со мной. – Не переживайте.

– Папочка, мультик еще не закончился, – сказала ты.

– Закончился. – Шон забрал у тебя наушники и бросил их на пол. – Шарлотта, идем скорее отсюда.

Пока я вытирала сок, муж вылетел в коридор, словно поток лавы. Я поняла, что оба юриста внимательно смотрят на меня.

– Шарлотта! – прогремел из приемной голос Шона.

– Э-э-э... спасибо. Мне правда очень жаль, что мы побеспокоили вас. – Я поднялась, скрестив руки на груди, будто от холода, и попыталась собраться с чувствами. – Просто я...

есть кое-что... — Я подняла голову, глядя на юристов, и сделала глубокий вдох. — Что будет, если мы выиграем?

Часть вторая

*Защвырните в море меня, на самое дно.
Втрамбуйте в соль и во влажный песок.
Никакой деревенский плуг не разроет тогда мои
кости.*

*Никакой тогда Гамлет не возьмет мою челюсть
в руку, сказав,
что закончились шутки – и мой рот теперь
пуст.*

*Длинные зеленоглазые падалычики расклюют
мне глаза,
лиловая рыбка будет играть с моим черепом в
прятки,*

*а я стану песнею грома, грохотом моря —
там, внизу – на грунте из влаги и соли.*

Защвырните в море меня... на самое дно.

Карл Сэндберг. Кости
(Перевод Елены Багдаевой)

**Складывание: процесс, требующий аккуратности, где
одна смесь добавляется в другую с помощью большой ме-**

таллической ложки или лопатки.

В большинстве случаев, когда говоришь о складывании, всегда есть край. Можно складывать белье, складывать надвое лист бумаги. С тестом все немного иначе: вместе складываются две различные субстанции, но пространство между ними исчезает не полностью: смесь, которая правильно сложена, приобретает легкость, воздушность, буд-то обе части только узнают друг друга.

Это отношения на грани, когда одна смесь поддается другой. Представьте себе плохой расклад в покере, ссору, любую ситуацию, где одна из сторон просто сдается.

Шоколадно-малиновое суфле

1 пинта малины, перетертой до состояния пюре.

8 яичных желтков, отделенных от белков.

4 унции сахара.

3 унции муки.

8 унций настоящего горького шоколада, натертого в крошку.

2 унции ликера «Шамбор».

2 столовые ложки растопленного сливочного масла.

Сахар для украшения формочек.

Нагреть малиновое пюре до комнатной температуры в

большой кастрюле. Взбить яичные желтки с 3 унциями сахара в большой миске, добавить муку и малиновое пюре, вернуть смесь в кастрюлю.

Готовить на слабом огне, постоянно помешивая, пока смесь не загустеет. Не допускать кипения. Снять с огня и вмешивать шоколад до его полного растворения. Добавить ликер. Накрыть основную смесь пленкой, чтобы не появлялась корочка.

Тем временем смазать маслом и посыпать сахаром шесть формочек. Нагреть духовку до 425 градусов по Фаренгейту.

Взбить белки до образования устойчивых пиков с оставшейся унцией сахара. На этом этапе вы сможете наблюдать момент, когда две разные смеси соединятся – когда вы добавите яичные белки в шоколад. Ни одна из них не захочет уступать: темнота шоколада станет частью пены от яичных белков, и наоборот.

Ложкой перенесите субстанцию в формочки, всего на одну четверть ниже края. Немедленно запекайте. Если суфле поднялось, наверху появилась золотисто-коричневая корочка, а когда вынимаешь его из духовки, оно опадает под весом своего обещания, значит блюдо готово.

Шарлотта

Апрель 2007 года

Ты не могла бы прожить жизнь без столкновений. Врачи объяснили нам это в первую очередь, рассказывая про тупиковую ситуацию несовершенного остеогенеза: будь активным, но не ломайся, потому что, если у тебя перелом, ты не можешь быть активным. Родители, которые держали своих детей в сидячем положении или заставляли передвигаться на коленях, чтобы уменьшить вероятность упасть и получить трещину, также подвергали их риску, ведь мышцы и связки могли недостаточно окрепнуть, чтобы поддерживать кости.

Когда речь шла о тебе, Шон предпочитал рисковать. Опять же, не он в большинстве случаев оставался дома, когда ты была с переломом. Но он не один год убеждал меня, что периодические травмы – небольшая цена за настоящую жизнь. Может, теперь я смогу убедить его, что два глулых слова вроде «неправомерного рождения» ничего не значат в сравнении с будущим, которое тебе могут обеспечить. Несмотря на стремительный уход Шона из офиса адвокатов, я надеялась, что они снова позвонят мне. Засыпая, я думала о том, что сказал Роберт Рамирес. Проснувшись я с незнакомым привкусом во рту – то ли сладким, то ли кислым. Только через несколько дней я поняла, что это надежда.

Ты сидела на больничной койке, накинув на «ортопедические штаны» одеяло, и читала книгу с интересными фактами, пока мы ожидали укола памидроната. Сперва ты приезжала сюда каждые два месяца, теперь нам нужно было совершать поездки в Бостон лишь дважды в год. Памидронат не являлся лекарством от НО, скорее поддерживающим препаратом, который помогал пациентам третьего типа, как у тебя, ходить, а не быть прикованным к инвалидному креслу. До этого препарата даже обычный шаг мог привести к микротрещинам в ступне.

– Вы можете не поверить, глядя на ее переломы бедер, но Z-показатель гораздо лучше, – сказал доктор Розенблад. – У нее сейчас минус три.

Когда ты родилась и тебе сделали DEXA-сканирование на определение плотности костей, твой показатель был минус шесть. Девяносто восемь процентов населения попадает в плюс-минус два. Костная ткань всегда делает новые кости и поглощает старые, памидронат замедляет темп абсорбации костной ткани. Он позволяет тебе двигаться, чтобы укрепить кости. Однажды доктор Розенблад объяснил это мне, держа в руках губку для мытья посуды: кости обладали порами, а памидронат немного заполнял отверстия.

За пять лет лечения ты перенесла свыше пятидесяти переломов, а я и представить не могла, какой бы была жизнь без препарата.

– Уиллоу, у меня для тебя на сегодня отличный факт, –

сказал доктор Розенблад. – В случае крайней необходимости, если нужна замена плазмы крови, можно использовать массу внутри кокоса.

Твои глаза расширились.

– Вы когда-нибудь пробовали это?

– Подумывал попробовать сегодня, – широко улыбнулся он. – Шутка. Есть ко мне какие-то вопросы, прежде чем мы приступим?

Ты взяла меня за руку:

– Два раза, верно?

– Таково правило, – сказала я.

Если медсестра не сможет поставить тебе катетер в вену с двух попыток, то я позову кого-нибудь еще.

Забавно, когда я ходила на свидание с Шоном, другим копом и его женой, именно я была самой скромной. Никогда не становилась душой компании, не начинала разговор с людьми, которые стояли за мной в очереди за овощами. Но поместите меня в больничные декорации, и я буду бороться за тебя не на жизнь, а на смерть. Я буду твоим голосом, пока ты не сможешь говорить за себя. Я не всегда была такой: кому не хочется поверить, что врачи знают лучше? Но есть терапевты, за всю карьеру которых не попадалось ни одного случая НО. Люди могут уверять, будто знают, что делают, но это еще не повод довериться им.

За исключением Пайпер. Я поверила ей, что не было способа узнать раньше о твоём дефекте.

– Думаю, нам пора идти, – сказал доктор Розенблад.

Процедуры длились четыре часа три дня подряд. Через два часа бесконечной вереницы медсестер и стажеров, которые проверяли твои жизненные показатели (они и правда думают, что твой вес и рост изменятся через полчаса?), появлялся доктор Розенблад, после чего ты сдавала анализ мочи. Дальше брали кровь – шесть пробирок, а ты сжимала мою руку так сильно, что оставляла ногтями на коже крохотные полумесяцы. Наконец медсестра ставила катетер, чему ты сопротивлялась больше всего. Как только я слышала в коридоре ее шаги, то старалась отвлечь тебя, подмечая факты из твоей книги.

В Древнем Риме ели языки фламинго в качестве деликатеса.

В Кентукки закон разрешает носить мороженое в заднем кармане.

– Здравствуй, солнышко, – произнесла медсестра.

На голове женщины было облако неестественно желтых волос, а на шее висел стетоскоп с обезьянкой. Медсестра несла небольшой пластиковый поднос с иглой для катетера, стерильными салфетками и двумя белыми полосками пластыря.

– Иглы – это полный отстой, – сказала ты.

– Уиллоу! Следи за языком!

– Но «отстой» не ругательство. На дне стакана тоже отстой.

– Особенно если тебе его еще мыть, – буркнула медсестра, беря твою руку. – А теперь, Уиллоу, я досчитаю до трех, прежде чем введу иглу. Готова? Раз... два!

– Три! – возмутилась ты. – Вы меня обманули!

– Иногда проще ничего не ждать, – сказала медсестра, но снова подняла иглу. – Не очень хорошо вышло. Давай попробуем еще раз...

– Нет! – перебила я. – Есть ли другая медсестра на этаже, которая может это сделать?

– Я ставлю катетеры тринадцать лет...

– Но не моей дочери.

Лицо женщины окаменело.

– Я позову старшую медсестру.

Она вышла и закрыла дверь.

– Но это же только один раз, – сказала ты.

Я опустилась рядом с тобой на койку:

– Она схитрила. Я не хочу рисковать.

Твои пальцы перелистывали страницы книг, словно ты читала шрифт Брайля. Еще один факт пришел мне в голову: «Самый безопасный возраст, согласно статистике, – это десять лет».

Ты прошла уже половину пути.

Преимуществом твоего пребывания в больнице на ночь было и то, что мне не стоило волноваться, что ты попадешь в какую-то ситуацию, упадешь в ванной или запутаешься в

рукаве куртки. Как только закончили первый ввод препарата и тебе поставили капельницу, ты глубоко уснула, а я на цыпочках вышла из темной комнаты и направилась к платным телефонным автоматам рядом с лифтами, чтобы позвонить домой.

– Как она? – подняв трубку, спросил Шон.

– Ей скучно. Волнительно. Все как всегда. Как Амелия?

– Получила пятерку по математическому тесту и закатила истерику, когда я сказал ей помыть посуду после обеда.

– Все как всегда, – улыбнувшись, повторила я.

– Угадай, что мы ели на обед, – сказал Шон. – Цыпленок кордон-блю, запеченный картофель и обжаренная зеленая фасоль.

– Ну конечно. Ты ведь даже не можешь сварить яйцо.

– А я и не говорил, что готовил сам. В отделе «Обеды на дому» в продуктовом магазине сегодня был большой выбор.

– Что ж, а мы с Уиллоу пировали пудингом из тапиоки, куриным супом с вермишелью и красным желе.

– Хочу позвонить ей завтра перед уходом на работу. Во сколько она встает?

– В шесть, когда сменяются медсестры.

– Поставлю будильник, – ответил Шон.

– Кстати, доктор Розенблад снова спросил меня насчет операции.

Это было камнем преткновения между Шоном и мной. Твой ортопед хотел поставить штифты в бедренные кости

после снятия гипсовых штанов, и в дальнейшем у переломов не будет смещения. Штифты также предотвратили бы искривление, поскольку кости при НО развиваются спирально. Как сказал доктор Розенблад, это лучший способ справиться с НО, ведь вылечить его невозможно. Хотя я была настроена воинственно касательно всего, что могло уберечь тебя от боли в будущем, Шон смотрел на нынешнюю ситуацию иначе: из-за операции тебе пришлось бы вновь оказаться без движения. Я буквально слышала, как он сопротивляется.

– А ты не распечатала какую-нибудь статью о том, как штифты останавливают рост детей с НО...

– Ты говоришь о штифтах в позвоночнике. Если их ставят для исправления сколиоза, тогда Уиллоу уже не станет выше. Но это другое. Доктор Розенблад даже сказал, что сейчас такие изошренные штифты, что будут расти вместе с ней – они вытягиваются.

– А что, если у нее больше не будет перелома бедер? Тогда эта операция впустую.

Вероятность, что ты больше не заработаешь перелома ног, была столь же мала, как если бы завтра не взошло солнце. Еще одно различие между нами с Шоном – пессимистом была я.

– Хочешь опять иметь дело с гипсовыми штанами? Если это повторится в семь, десять, двенадцать лет, кто сможет ее поднять?

Шон вздохнул:

– Шарлотта, она ребенок. Разве она не может еще немного побегать, прежде чем ты снова лишишь ее этого?

– Я ее ничего не лишаю, – обиженно ответила я. – Факт в том, что она упадет. Факт в том, что у нее будет перелом. Не делай из меня злодейку, Шон, только потому, что я пытаюсь помочь ей в перспективе.

Шон колебался.

– Знаю, как сейчас сложно. Знаю, сколько всего ты для нее делаешь.

Он почти упомянул катастрофу в адвокатской конторе.

– Я не жалуюсь...

– Я этого и не говорил. Просто хочу сказать... мы же знали, что будет непросто, да?

Да, мы знали. Но, наверное, я до конца не понимала, что будет настолько тяжело.

– Мне пора, – сказала я, а когда Шон сказал, что любит меня, я сделала вид, что не расслышала.

Повесила трубку и сразу же набрала Пайпер:

– Что не так с мужчинами?

На заднем фоне я услышала льющуюся воду, грохот посуды в раковине.

– Это риторический вопрос? – поинтересовалась подруга.

– Шон не хочет, чтобы Уиллоу оперировали и ставили штифты.

– Подожди. Ты разве не в Бостоне на процедурах с памид-ронатом?

– Да, и Розенблад сказал об этом, когда мы сегодня встретились с ним, – ответила я. – Он уже год уговаривает нас, а Шон все откладывает, а у Уиллоу все больше переломов.

– Зная, что в будущем ей будет лучше?

– Даже зная это.

– Тогда у меня для тебя одно слово: «Лисистрата».

Я расхохоталась:

– Последний месяц я сплю с Уиллоу в гостиной на диване. Если я скажу Шону, что у нас не будет секса, это пустая угроза.

– Тогда вот тебе и ответ, – сказала Пайпер. – Принеси свечи, устрицы, останься неглиже, все по полной программе... а когда он впадет в кому блаженства, снова спроси об этом. – (Я услышала голос на заднем фоне.) – Роб сказал, что это сработает как заклинание.

– Спасибо за его поддержку.

– Кстати, скажи Уиллоу, что большой палец человека размером с его нос.

– Правда? – Я поднесла руку к лицу, чтобы проверить. – Она будет в восторге.

– Ох, черт, меня ждут на приеме! Почему малыши не рождаются в девять утра?

– Это риторический вопрос?

– Мы прошли полный цикл. Поговорим завтра, Шар.

Повесив трубку, я долго еще смотрела на телефон. «Ей будет лучше в перспективе», – сказала Пайпер.

Она безоговорочно верила в это? Не только в операцию со штифтом, но и в любое действие, которое готова сделать хорошая мать?

Я не знала, откуда у меня хватит смелости подать иск о неправомерном рождении. Даже отвлеченно сложно говорить, что некоторые дети не должны появляться на свет, но это было куда сложнее. Это значило сказать, что один конкретный ребенок – мой ребенок – не должен был родиться. Какая мать могла бы посмотреть в лицо судье или присяжному, заявив, что жалеет о рождении своего ребенка?

Либо та, которая не любила свою дочь, либо та, которая любила свою дочь слишком сильно. Мать, которая скажет что угодно, лишь бы твоя жизнь улучшилась.

Даже если я решу эту этическую дилемму, возникает другая загвоздка, ведь по другую сторону иска вовсе не незнакомец, а моя лучшая подруга.

Я вспомнила о пенистом материале, которым мы обкладывали твое кресло в машине и кровать, как иногда я доставала тебя оттуда и все равно ощущала, что ты словно призрак. Но это чувство быстро исчезало, как по мановению волшебной палочки. Может, тот неизгладимый след, который я оставила на Пайпер, или тот неизгладимый след, который она оставила на мне, не навсегда. Долгие годы я верила словам Пайпер, что тесты не смогли бы раньше показать НО, но она упомянула лишь анализы крови. Подруга даже не озвучила тот факт, что существовали другие пренатальные

тестирования вроде ультразвукового исследования, которые могло выявить НО. Оправдывалась она передо мной или перед собой?

«Ее иск не коснется, – шептал голос в моей голове. – Для этого и нужна страховка от халатности». Но это отразится на нас. Чтобы поддержать тебя, мне придется потерять подругу, на которую я полагалась еще до твоего рождения.

В прошлом году, когда Эмма и Амелия были в шестом классе, к дочери Пайпер со спины подошел учитель физкультуры и пожал плечи, пока девочка следила за игрой в софтбол. Скорее всего, это был безобидный поступок, но Эмма пришла домой и сказала, что напугана. «Что мне делать? – спросила Пайпер. – Дать ему кредит доверия или повести себя как курица-наседка?» Не успела я озвучить свое мнение, как она решила все сама: «Это моя дочь. Если я ничего не скажу, то буду всю жизнь сожалеть об этом».

Я обожала Пайпер Риис. Но тебя я всегда буду любить больше.

Сердце мое отчаянно стучало, когда я достала из заднего кармана визитку и набрала номер, не успев передумать.

– Марин Гейтс, – проговорил голос на другом конце провода.

– Э-э-э... – Я удивленно запнулась, ожидая, что в столь поздний час ответит автоответчик. – Не думала, что вы будете на месте...

– Кто это?

– Шарлотта О’Киф. Я была в вашем офисе несколько недель назад вместе с мужем насчет...

– Да, я помню, – сказала Марин.

Я намотала на руку пружину телефонного провода, представляя, какие слова передам по нему, отправлю в мир, сделаю их реальными.

– Миссис О’Киф?

– Меня интересует... судебный иск.

Последовала недолгая пауза.

– Почему бы нам не назначить время встречи? Я попрошу секретаря позвонить вам завтра.

– Нет. – Я покачала головой. – В смысле, все в порядке, но завтра меня не будет дома. Я сейчас в больнице с Уиллоу.

– Мне жаль это слышать.

– Нет, с ней все в порядке. Не то чтобы в порядке, но это обычная процедура. Мы будем дома к четвергу.

– Я запишу себе.

– Хорошо, – выдохнула я. – Хорошо.

– Передавайте мои самые лучшие пожелания вашей семье.

– У меня всего один вопрос, – сказала я, но адвокат уже повесила трубку. Я прижала ее к губам, ощущая привкус металла. – Вы бы это сделали? – прошептала я. – Сделали бы на моем месте?

«Если вы хотите совершить звонок, – сказал механический голос оператора, – пожалуйста, повесьте трубку и по-

пытаться снова».

Что сказал бы Шон?

Ничего, поняла я, потому что я не расскажу ему о своем поступке.

Я прошла по коридору до твоей комнаты. Ты тихонько посапывала на кровати. Фильм, под который ты уснула, отобраывал красные, зеленые, золотые пятна на твою кровать, напоминая ранний ковер осени. Я легла на узкую койку, переделанную из гостевого кресла доброжелательной медсестрой. Она оставила мне потертый плед и подушку, которая хрустела, словно лед.

Фреска на дальней стене представляла собой древнюю карту с пиратским кораблем, который шел под парусом прочь от границ. Не так давно моряки верили, что моря заканчивались обрывом, что компас мог показывать места, где за краем их ожидали драконы. Я с любопытством подумала об исследователях, которые шли на кораблях к краю мира. Как, должно быть, им было страшно, когда они рисковали упасть за край, и как же они удивились, обнаружив места, которые видели лишь в своих мечтах.

Пайпер

Я познакомилась с Шарлоттой восемь лет назад на одном из самых холодных катков в Нью-Гэмпшире, когда мы одевали наших четырехлетних дочерей, как восходящих звездочек, ради сорокапятисекундного выступления в зимнем ледяном шоу нашего клуба. Я ждала Эмму, чтобы зашнуровать коньки, пока другие матери отчаянно затягивали волосы дочерей в тугие пучки и повязывали ленточки сверкающих костюмов на запястья и щиколотки. Они болтали про распродажу рождественской упаковочной бумаги, которую устраивал ледовый клуб для сбора средств, и жаловались на мужей, которые не зарядили видеокамеру. Шарлотта держалась в стороне от этого хвастливого соревнования, пытаясь убедить очень упрямую Амелию завязать длинные волосы.

– Амелия, – говорила она, – твой тренер не пустит тебя на лед в таком виде. Все должны соответствовать требованиям.

Шарлотта выглядела знакомой, но я не помнила, где встречала ее. Я протянула ей несколько шпилек и улыбнулась:

– Если нужно, у меня еще есть супергель для волос и корабельный лак. Мы уже не первый год в нацистском ледовом клубе.

Шарлотта рассмеялась и взяла шпильки:

– Им всего по четыре года!

– Очевидно, если начать позже, то не о чем будет говорить на сеансе терапии, – пошутила я. – Кстати, я Пайпер. Гордая и дерзкая мать чемпионки по фигурному катанию.

Она протянула руку:

– Шарлотта.

– Мам, – сказала Эмма, – это Амелия. На прошлой неделе я рассказывала о ней. Она только переехала.

– Мы переехали из-за работы, – объяснила Шарлотта.

– Твоей или мужа?

– Я не замужем, – сказала она. – Я новый кондитер в «Каперсе».

– Вот откуда я тебя знаю. Читала о тебе в журнальной статье.

Шарлотта покраснела:

– Не верь всему, что говорят в прессе...

– Тебе стоит гордиться собой! Я вот не могу даже испечь по рецепту Бетти Крокер, ничего не напутав. Но в моей работе это и не требуется.

– А чем ты занимаешься?

– Я акушер-гинеколог.

– Что ж, преклоняю голову. Когда я работаю, женщины набирают вес. А когда ты работаешь, они его теряют.

Эмма заметила на костюме дырку.

– Мой костюм свалится, потому что ты не умеешь шить, – упрекнула она меня.

– Он никуда не свалится, – вздохнула я, потом поверну-

лась к Шарлотте. — У меня не было времени зашивать костюм, и я заклеила швы.

— В следующий раз, — сказала Шарлотта Эмме, — я зашью и твой костюм, когда буду делать это для Амелии.

Мне понравилось, что мы так быстро подружились. Нам было суждено стать сообщниками преступления, родителями-бунтарями, которых не волновало мнение общественности. Как раз в этот момент в дверном проеме появилась голова тренера.

— Амелия! Эмма! — прикрикнула она. — Мы все вас ждем!

— Девочки, вам лучше поторопиться. Вы слышали, что сказала Ева Браун.

Эмма нахмурилась:

— Мамочка, ее зовут мисс Хелен.

Шарлотта засмеялась и, когда девочки поспешили на каток, сказала:

— Ни пуха ни пера! Или так говорят только на обычной сцене?

Не знаю, можно ли заглянуть в прошлое и увидеть, подобно скрытым символам, вплетенным в карту сокровищ, путь, который указывает на твой пункт назначения, но я много раз вспоминала тот момент, когда Шарлотта пожелала удачи. Помню ли я это из-за твоего рождения? Или же ты родилась благодаря этому напутствию?

Роб склонился надо мной, раздвигая мои ноги, целуя меня.

– Мы не можем, – шепнула я. – Эмма еще не спит.

– Она не войдет сюда...

– Ты этого не знаешь...

Роб уткнулся лицом в мою шею:

– Она знает, что мы занимаемся сексом. Если бы мы этого не делали, ее бы не было на свете.

– А ты бы хотел думать о том, что твои родители занимаются сексом?

Роб скорчил мину и откатился от меня:

– Хорошо, ты убила весь настрой.

Я засмеялась:

– Дай ей десять минут, пусть уснет, и я снова разожгу это пламя.

Он подложил руки под голову, уставившись в потолок:

– Как думаешь, сколько раз в неделю занимаются сексом Шарлотта и Шон?

– Не знаю!

Роб взглянул на меня:

– Конечно же знаешь. Вы, девчонки, любите о таком болтать.

– Во-первых, нет, не любим. А даже если и так, я не стану любопытствовать, как часто моя лучшая подруга спит с мужем.

– Да, конечно. То есть ты никогда не смотрела на Шона и не думала, каково это – переспать с ним?

Я приподнялась на локте:

– А ты?

Он заулыбался:

– Шон не мой типаж...

– Очень смешно. – Я перевела на него взгляд. – Шарлотта? Серьезно?

– Ну... знаешь... просто из любопытства. Даже Гордон Рамзи должен иногда думать о «Биг Маках».

– Значит, я сложное блюдо для гурманов, а Шарлотта как фастфуд?

– Плохая вышла метафора, – признался Роб.

Шон О'Киф был высоким, мускулистым, физически развитым, в противоположность худощавому, как у бегуна, телосложению Роба, с его ухоженными руками хирурга и страстью к чтению. Одна из причин, по которой я влюбилась в Роба, – он больше обращал внимание на мой ум, чем на ноги. Если бы я даже захотела закрутить с кем-нибудь вроде Шона, то желание быстро бы угасло: после стольких лет болтовни с Шарлоттой я знала его слишком хорошо и не считала привлекательным.

Но упорство Шона также распространялось на его родительские качества: он был помешан на своих девочках, а еще яростно оберегал Шарлотту. Роб больше отличался рассудительностью, чем стихийной иррациональностью. Что значит быть объектом такой безудержной страсти? Я попыталась представить себе Шона в постели. Носит ли он пижамные штаны, как Роб? Или ходит без белья?

– Ого, – проговорил Роб, – я и не знал, что ты можешь покраснеть до самых...

Я натянула одеяло до подбородка:

– Отвечая на твой вопрос, я даже не уверена, что раз в неделю. Учитывая рабочий график Шона и заботы о Уиллоу, они, возможно, даже не ночуют в одной комнате.

«Странно, что мы с Шарлоттой не обсуждали секс», – подумала я. И даже не из-за дружбы. Все же я была ее гинекологом – медицинское анкетирование содержит вопросы о том, есть ли у пациента проблемы во время соития. Спрашивала ли я ее когда-нибудь об этом? Или пропустила, потому что вопрос казался слишком интимным для подруг? Секс был просто способом получить желаемое: ребенка. Но что теперь? Счастлива ли Шарлотта? Лежат ли они с Шоном в кровати, сравнивая себя со мной и Робом?

– Так, давай подумаем. Мы с тобой в одной комнате по ночам. – Роб склонился надо мной. – А что, если нам объединить усилия?

– Эмма...

– Уже сладко спит. – Роб стащил с меня верх пижамы через голову и принялся разглядывать. – У меня тоже есть несколько грез...

Я обхватила его руками за шею и медленно поцеловала:

– Все еще думаешь о Шарлотте?

– О какой еще Шарлотте? – пробормотал Роб и поцеловал меня в ответ.

Раз в месяц мы с Шарлоттой ходим в кино, а потом в бар под названием «Пещера Макси» – место, чье название меня абсолютно развеселило, учитывая гинекологический подтекст, хотя уверена, что сам Макси об этом не догадывался – седовласый рыбак из Мейна, который, когда мы впервые заказали шардоне, сказал нам, что у них такого пойла не бывает. Я тащила Шарлотту на сеанс, даже когда показывали кровавые фильмы с драками или подростковые комедии. В остальное время она редко выходила из дому.

Гордостью Макси был его внук Мус, полузащитник, которого выгнали из колледжа из-за скандала с жульничеством. Он стал работать у деда барменом три года назад, когда вернулся домой, взвешивая все «за» и «против», и так никуда и не уехал. Представьте себе мускулистого блондина ростом шесть футов шесть дюймов с сообразительностью кулинарной лопатки.

– Держите, мэм, – сказал Мус, передавая светлый эль Шарлотте, которая практически не глянула на него.

Сегодня с Шарлоттой что-то было совершенно не так. Она пыталась отложить нашу назначенную встречу, но я не позволила бы. Последние несколько часов подруга вела себя рассеянно и отстраненно. Я попыталась объяснить это заботами о тебе: процедуры с памидронатом, переломы обоих бедер, операция со штифтом – голова у нее была совершенно забита, а я собиралась немного отвлечь ее.

– Он тебе подмигнул, – сказала я, когда Мус отвернулся к другому посетителю.

– Ой, да брось! – сказала Шарлотта. – Я слишком стара для флирта.

– Сорок четыре – это те же двадцать два.

– Да, поговорим, когда ты будешь моего возраста.

– Шарлотта, я всего на два года моложе тебя! – Я засмеялась и сделала глоток пива. – Боже, мы такие жалкие! Он, возможно, думает: «Эти тетки такие бедолаги, я могу помочь им, лишь притворившись, что они хотя бы немного сексуальны».

Шарлотта подняла бокал:

– Выпьем за то, чтобы наши мужья не были слишком молоды, чтобы арендовать машину в «Херц».

Именно я познакомила твоих родителей. Думаю, это естественное желание женатого человека найти пару своим незамужним и холостым друзьям. Шарлотта не была до этого замужем – отец Амелии употреблял наркотики, пытался завязать во время беременности Шарлотты, но безуспешно, после чего уехал в Индию с семнадцатилетней стриптизершей. Когда меня за превышение скорости остановил симпатичный коп без обручального кольца на пальце, я пригласила его на обед, чтобы познакомить с Шарлоттой.

– Я не хожу на свидания вслепую, – сказала мне твоя мать.

– Тогда прогули его.

Через десять минут она позвонила мне и взволнованно

объяснила, что Шон О'Киф был педофилом, недавно выпущенным на свободу. Через десять месяцев Шарлотта вышла замуж за другого Шона О'Кифа.

Я наблюдала за тем, как Мус ставит бокалы на барную стойку, как свет играет на его мускулах.

– Как у вас дела с Шоном? Уже убедила его сделать это?

Шарлотта вздрогнула, чуть не перевернув бокал с пивом:

– Сделать – что?

– Операцию со штифтом для Уиллоу. Алло, ты здесь?

– Точно. Я забыла, что рассказала тебе об этом.

– Шарлотта, мы общаемся с тобой каждый день. – Я внимательно посмотрела на нее. – Ты уверена, что все в порядке?

– Мне просто нужно выспаться, – ответила она и, опустив голову, посмотрела на пиво, провела пальцем по краю бокала, и тот запел для нас. – Знаешь, я кое-что читала в больнице, один журнал. Там была статья о семье, которая подала в суд на больницу, после того как их сын родился с кистозным фиброзом.

Я покачала головой:

– Меня бесит это перекладывание ответственности. Повесь вину на другого, чтобы самому стало лучше.

– Вдруг кто-то другой и впрямь виновен.

– Это дело случая. Знаешь, что скажет акушер, если у пары родится ребенок с КФ? «У них больной ребенок». И это не оценка, а констатация факта.

– Больной ребенок, – повторила Шарлотта. – Так ты подумала и обо мне?

Иногда я позволяла себе сболтнуть лишнего, как сейчас, не задумываясь, что Шарлотта заинтересована в этой теме не с теоретической стороны. Мои щеки загорелись.

– Я не говорила о Уиллоу. Она...

– Идеальная? – с вызовом ответила Шарлотта.

Но ты и была такой. Ты могла соорудить самую забавную рожицу Пэрис Хилтон, пропеть алфавит наоборот, а черты твоего лица напоминали сказочного эльфа. О хрупких костях я вспоминала в последнюю очередь.

Внезапно Шарлотта пошла на попятную:

– Прости. Мне не следовало этого говорить.

– Нет, ты права, мой рот не должен открываться, если мозг занят чем-то другим.

– Я просто очень устала. Давай закончим на этом. – Когда я привстала с барного стула, она покачала головой. – Оставайся, допей пиво.

– Давай я провожу тебя до машины...

– Пайпер, я уже большая девочка. Правда. Забудь, что я говорила.

Я кивнула. И на свою голову, так и сделала.

Амелия

Я пришла в школьную библиотеку, одно из немногочисленных мест, где я могла притвориться, что моя жизнь не разрушена полностью из-за твоего несовершенного остеогенеза, и тут я наткнулась в журнале на фотографию женщины, как две капли воды похожей на тебя. Я словно увидела снимок ФБР, где они с помощью программы старят изображение ребенка, похищенного десять лет назад, чтобы его могли узнать на улице. Такие же, как у тебя, пушистые шелковистые волосы, заостренный подбородок, искривленные ноги. Я и раньше встречала детей с НО и знала, что у вас схожие черты, но это уже выходило за рамки.

Еще более странным показалось мне то, что женщина держала на руках ребенка и стояла рядом с гигантом. Он обнимал ее одной рукой и улыбался с фотографии, демонстрируя чудовищный прикус.

«Альма Дакинс, – сообщалось в статье, – всего три фута два дюйма ростом, а ее муж Грейди – шесть футов четыре дюйма».

– Что делаешь? – спросила Эмма.

Она была моей лучшей подругой: казалось, мы дружили всегда. После кошмара в «Дисней уорлд», когда одноклассники узнали, что меня на ночь забрали в приют для детей, она а) не относилась ко мне, как к прокаженной, и б) грози-

лась уложить любого, кто будет так вести себя. Сейчас Эмма подошла ко мне со спины и положила подбородок на мое плечо:

– Эй, эта женщина похожа на твою сестру.

Я кивнула:

– У нее тоже НО. Может, Уиллс подменили при рождении. Эмма опустила на пустой стул рядом со мной.

– А это ее муж? Мой папа мог бы исправить ему прикус. – Она взглядела в снимок. – Боже, да как они вообще это сделали?!

– Фу, омерзительно! – произнесла я, хотя подумала о том же.

Эмма надула пузырь из жевательной резинки.

– Наверное, все примерно одного роста, когда они лежат и занимаются всякими гадостями, – сказала она. – Я думала, что у Уиллоу не может быть детей.

Я тоже так думала. Должно быть, никто никогда не обсуждал этого с тобой, потому что тебе было всего пять, и поверь мне, я вовсе не хотела говорить о чем-то столь противном, но, если ты могла сломать кость, кашлянув, как из тебя вышел бы ребенок или что-то вошло бы?

Я всегда знала, что если захочу спиногрызов, то однажды они у меня будут. Если же ты решилась бы на детей, все было бы не так просто, а может, и невозможно. Конечно, несправедливо, но, когда дело касалось тебя, разве могло быть иначе?

Ты не каталась на коньках. На велосипеде. На лыжах. Даже когда ты играла в какую-то физическую игру, вроде прятков, мама настаивала, чтобы тебе дополнительно считали до двадцати. Я в шутку сердилась, чтобы ты не чувствовала, будто к тебе относятся иначе, но в глубине души знала, что поступаю правильно, ведь ты не могла передвигаться так же быстро, как я, с костылями, ходунками или на инвалидном кресле, и тебе требовалось больше времени, чтобы спрятаться. «Амелия, подожди!» – всегда говорила ты, когда мы куда-то шли, и я ждала, потому что знала, что есть миллион других способов оставить тебя позади.

Я вырасту, а ты останешься ростом с дошкольника.

Я пойду в колледж, уеду из дому и не буду волноваться о том, как заправить машину или воспользоваться банкоматом.

Может, я найду парня, который не будет считать меня неудачницей, выйду замуж, рожу детей и буду носить их на руках, не волнуясь, что у меня в позвоночнике образуются микротрещины.

Я прочла статью в журнале:

Альма Дакинс, 34 года, родила 5 марта 2008 года здоровую девочку. Дакинс, у которой диагностирован несовершенный остеогенез третьего типа, ростом всего 3 фута 2 дюйма и весила всего 39 фунтов до беременности. Она набрала около 19 фунтов во время беременности, и ее дочь Лулу родилась с помощью

кесарева сечения на тридцать второй неделе, когда небольшое тело Альмы не смогло дальше вмещать увеличивающийся плод. Девочка весила 4 фунта 6 унций и имела рост 16,5 дюйма при рождении.

Когда ты играла с куклами, то устраивала целый театр. Мама говорила, что я тоже раньше так делала, но я только помню, как отрывала им конечности и отрезала волосы. Иногда замечала, как мама следит за тобой: ты накладывала гипс на руку пупса, и на лице мамы проскальзывала тень, – возможно, она думала, что у тебя никогда не будет ребенка, и в то же время испытывала облегчение, что ты не узнаешь, что это такое – смотреть, как твой ребенок рассыпается на миллион косточек.

Несмотря на все мамины мысли, передо мной лежало доказательство, что человек с диагнозом «несовершенный остеогенез» мог завести семью. У Альмы тоже был третий тип. Она не ходила, как ты, а была прикована к креслу. И тем не менее она смогла найти мужа, пусть и с глупой улыбкой, и родить ребенка.

– Тебе нужно показать это Уиллоу, – сказала Эмма. – Возьми с собой. Кто узнает?

Я проверила, сидит ли библиотекарь за компьютером, заказывая одежду с gar.com (мы следили за ней), а потом изобразила приступ кашля. Согнулась пополам и сунула журнал под куртку. Неуверенно улыбнулась, когда библиотекарь посмотрела на меня, словно бы убедиться, что я не оставила на

полу легкие.

Эмма ожидала, что я сохраню журнал для тебя и покажу тебе или маме подтверждение, что однажды ты вырастешь, выйдешь замуж и родишь ребенка. Но я украла его совершенно по другой причине. Скоро ты должна была пойти в детский сад. И однажды ты будешь в седьмом классе, как я. Придешь в библиотеку, увидишь этот глупый журнал и узнаешь, что нашла я: Альму с мужем и этого ребенка, слишком огромного на ее руках.

Они не выглядели счастливой семьей. Скорее уродцами из циркового шоу, вот только цирк уехал. Зачем еще печатать их в журнале? Нормальные семьи не становятся сенсацией.

На уроке английского я отпросилась в туалет. Там я вырвала страницу из журнала и измельчила снимок на кусочки. Потом смыла в унитазе, тем самым защитив тебя.

Марин

Люди считают, что закон – это виртуальный зал правосудия, но правда в том, что моя работа больше похожа на плохой ситком. Однажды я представляла в суде женщину, которая купила в местном магазине «Стоп-н-сейв» замороженную индейку за день до Дня благодарения, а когда выносила ее, индейка вдруг выскользнула из пакета, упала ей на ногу и стала причиной трещины. Женщина подала иск на «Стоп-н-сейв», но мы также включили в жалобу производителя пакетов, и клиентка ушла от нас вовсе не на костылях, а на несколько сотен тысяч долларов богаче.

А вот еще один случай: женщина ехала домой в два часа ночи по проселочной дороге со скоростью восемьдесят миль в час и врезалась в заплутавший трактор, который сдавал назад, чтобы развернуться. Смерть настигла ее мгновенно, а муж хотел засудить компанию по производству тракторов, потому что у них не было боковых фар и жена не заметила машину. Мы подали на водителя иск о смерти вследствие халатности, указав утрату супружеской общности жизни и запросив миллионы, чтобы компенсировать потерю мужем его возлюбленной жены. К сожалению, в ходе дела адвокат ответчика обнаружил, что жена моего клиента ехала домой со встречи с любовником.

Где-то выигрываешь, где-то проигрываешь.

Глядя на Шарлотту О'Киф, сидевшую у меня в кабинете с зажатым в руке телефоном, я уже знала, в каком направлении пойдет это дело.

– А где Уиллоу? – спросила я.

– На физиотерапии, – сказала Шарлотта. – Она пробудет там до одиннадцати.

– А переломы? Они хорошо срастаются?

– Будем надеяться, – ответила Шарлотта.

– Ждете звонка?

Она опустила голову, будто сама удивилась тому, что держит телефон:

– Вовсе нет. Надеюсь, что нет. Просто хочу быть на связи, если с Уиллоу что-то случится.

Мы обменялись вежливыми улыбками.

– Нам еще... стоит подождать вашего мужа?

Шарлотта покраснела:

– Он не придет сегодня на встречу.

Если честно, когда Шарлотта позвонила мне и попросила увидеться, чтобы поговорить об иске, я удивилась. Шон О'Киф предельно четко обозначил свою позицию, когда вылетел из кабинета Боба. Телефонный звонок Шарлотты указывал на то, что он успокоился и готов подать иск. Однако, глядя сейчас на женщину, я забеспокоилась:

– Но он ведь хочет подать иск, верно?

Она заерзала на стуле:

– Разве я не могу сделать этого сама?

– Очевидно, что ваш муж все равно рано или поздно об этом узнает, но есть и законные основания. Вы с мужем оба несете ответственность за заботу и воспитание Уиллоу. Допустим, вы сами нанимаете юриста и выигрываете дело у врача, а потом вас сбивает машина. Ваш муж может вернуться и подать иск на врача самостоятельно, потому что он не был участником иска, что не освобождает врача от ответственности в будущем. По этой причине любой ответчик будет настаивать, чтобы подаваемый иск или процесс в суде включал обоих родителей. Даже если сержант О'Киф не хочет участвовать, его все равно привлекут – вызовут в суд, чтобы исключить дальнейшие иски.

– Понятно, – нахмурилась Шарлотта.

– С этим будут проблемы?

– Нет, – сказала она. – Никаких проблем. Но... у нас нет денег на услуги юриста. Мы еле сводим концы с концами, учитывая нужды Уиллоу. Поэтому... поэтому я сегодня пришла поговорить об иске.

Каждая адвокатская контора, занимающаяся исками, включая фирму Боба Рамиреса, сперва оценивает расходы и прибыль. Поэтому мы так долго не перезванивали О'Кифам после первой встречи: я просматривала жалобу с экспертами, делала комплексное исследование, изучала схожие иски и суммы выплат. Если я понимала, что предполагаемая компенсация хотя бы покрывает наши расходы и услуги экспертов, я звонила будущим клиентам и сообщала, что их жалоба

имеет веские основания.

– Вам не нужно беспокоиться о гонораре адвокатам, – спокойно сказала я. – Это часть компенсации. Однако вы должны знать, что большинству исков о неправомерном рождении присуждают меньшую компенсацию, чем было заявлено для жюри присяжных, потому что страховые компании по врачебным ошибкам не хотят огласки в прессе. Из тех исков, которые идут в суд, семьдесят пять процентов получают компенсацию в пользу истца. Ваше дело, которое основывается на неправильно истолкованном скрининге, может не убедить жюри – УЗИ не является самым надежным свидетельством в суде. К тому же будет пристальное внимание общественности. С иском о неправомерном рождении всегда так.

Шарлотта подняла голову и посмотрела на меня:

– Люди будут думать, что я делаю все ради денег?

– А разве это не так? – прямо ответила я.

Глаза Шарлотты наполнились слезами.

– Я иду на это ради Уиллоу. Именно я дала ей рождение, и я должна обеспечить, чтобы она страдала как можно меньше. Это не делает из меня монстра. – Она поднесла пальцы к уголкам глаз. – Или делает?

Я стиснула зубы и передала ей коробку с салфетками. Разве дело не в шестидесяти четырех тысячах долларов?

Возможно, к тому времени, как иск попадет в суд, ты уже повзрослеешь и сможешь осознать последствия того, что сделала твоя мать, как и я в тот день, когда мне сказали об

удочерении. Мне знакомо чувство, что ты не нужна родной матери. Все свое детство я придумывала оправдания ее поступку. Вариант первый: она отчаянно влюбилась в парня и забеременела от него, семья не вынесла позора, и мать отправили в Швейцарию, сказав всем, что она учится в пансионе, пока она вынашивала меня. Вариант второй: она направлялась в Корпус мира, чтобы спасти человечество, когда поняла, что беременна, и решила поставить нужды других выше своего желания иметь ребенка. Вариант третий: она была актрисой, любимицей американцев, которая рисковала потерять аудиторию западных приверженцев семейных ценностей, узнай они, что она мать-одиночка. Вариант четвертый: они с отцом были бедными фермерами-молочниками, которые желали ребенку лучшей жизни и ничего не могли предложить ему сами.

Наверное, в жизни женщины есть такой судьбоносный момент, когда она осознает все тяжести материнства. Возможно, моя биологическая мать поняла это, передав меня медсестре и сказав «прощай», а та, что вырастила, – когда мы сели за кухонный стол и я узнала, что удочерена. Для твоей матери таким мигом стало решение подать иск, несмотря на мнение общественности и внутренние противоречия. Мне казалось, что быть хорошей матерью значило принять риск, что ты можешь потерять своего ребенка.

– Я так хотела другого ребенка, – тихо проговорила Шарлотта. – Хотела испытать это с Шоном. Хотела водить ее

в парк, качать на качелях. Печь с ней печенье и ходить на школьные спектакли. Научить ее кататься верхом или на водных лыжах. Хотела, чтобы она заботилась обо мне, когда я состарюсь, – сказала она, поднимая на меня взгляд. – А не наоборот.

На моем загривке волоски встали дыбом. Мне не хотелось верить, что женщина, давшая жизнь ребенку, так легко откажется от него, столкнувшись с проблемами.

– Думаю, большинство родителей понимают, что, кроме плохого, есть и хорошее, – ровным тоном ответила я.

– Я не ходила в розовых очках, у меня уже была на тот момент дочь. Считала, что позабочусь об Уиллоу, если ей будет плохо. Знала, что придется вставать посреди ночи, когда ей приснятся кошмары. Но не догадывалась, что у нее будут травмы по несколько недель кряду, по несколько лет кряду. Не знала, что не буду спать каждую ночь. Не знала, что она никогда не поправится.

Я опустила голову, притворяясь, что поправляю документы. Что, если мать отдала меня, потому что я не соответствовала ее ожиданиям?

– А что с Уиллоу? – спросила я, играя в адвоката дьявола. – Она умная девочка. Как думаете, она вынесет слова матери о том, что та не желала ее рождения?

Шарлотта вздрогнула:

– Она знает, что это неправда. Я не могу представить свою жизнь без нее.

В моей голове вспыхнул красный свет.

– Стоп! Этого говорить нельзя. Даже намекать. Если вы подаете иск, миссис О'Киф, вам придется принести клятву под присягой, что, если бы вы знали о диагнозе своей дочери заранее, если бы у вас был выбор, вы бы прервали беременность. – Я ждала, когда наши взгляды встретятся. – С этим будут проблемы?

Она отвернулась, уставившись на что-то за окном:

– Можно ли скучать по человеку, которого не знал?

В дверь постучали, секретарь просунула голову внутрь.

– Простите, что прерываю, Марин, – сказала Бриони, – но уже одиннадцать часов, и пришли клиенты на следующую встречу.

– Одиннадцать? – сказала Шарлотта, поднимаясь на ноги. – Я опаздываю. Уиллоу будет волноваться.

Она взяла сумочку, повесила на плечо и поспешила прочь из кабинета.

– Я буду на связи! – крикнула я ей вслед.

Только днем я вспомнила, что мне сказала Шарлотта О'Киф. Она как раз ответила на один вопрос по аборту в другом деле.

Шон

В десять часов вечера в субботу стало понятно, что я еду в ад.

Субботний вечер заставлял вспомнить, что скрывается за акварельными открытками Новой Англии – здоровые улыбающиеся парни, которых видишь в журнале «Янки», могут валяться пьяными в местном баре. Субботним вечером одинокие подростки пытались повеситься в шкафу в своих комнатах в общежитии, а старшеклассниц насиловали мальчики из колледжа.

В субботний вечер можно поймать тех, кто виляет по дороге, и столкновение с пешеходом или с другим автомобилем лишь вопрос времени. Сегодня вечером мне пришлось притормозить за банковской парковкой, когда мимо прополз белый «камри», проехав почти по желтой разделительной линии. Я включил сирену и последовал за водителем, вынуждая его съехать на обочину.

Я вышел из машины и приблизился к водительской дверце.

– Доброго вечера, – произнес я, – вы знаете, почему...

Но не успел я закончить предложение и спросить, почему, по мнению водителя, я остановил его, когда стекло опустилось и я посмотрел на нашего приходского священника.

– Ах, Шон, это ты, – сказал преподобный Грейди.

На его голове пушилось облако седых волос, которые Амелия называла прической Эйнштейна; он был в сутане. Глаза его блестели.

Я замешкался:

– Преподобный, мне придется проверить ваши права и страховку...

– Никаких проблем, – сказал священник, порывшись в бардачке. – Ты просто делаешь свою работу.

Я видел, как он суетился, как уронил права три раза, прежде чем смог передать их мне. Когда я заглянул в машину, то не увидел бутылок или банок.

– Преподобный, вы ехали по всей ширине дороги.

– Правда?

Я отчетливо слышал идущий от него запах алкоголя.

– Преподобный, вы что-то пили сегодня вечером?

– Не могу сказать, что пил...

Священники не лгут, правда ведь?

– Не могли бы вы выйти из машины?

– Конечно, Шон. – Он, шатаясь, вышел из машины и приклонился к капоту «камри», сунув руки в карманы. – Давно не видел твоей семьи на мессе...

– Преподобный, вы носите контактные линзы?

– Нет...

Это было началом проверки на горизонтальный нистагм, произвольное подергивание глазных яблок, которое могло указывать на алкогольное опьянение.

– Я хотел бы попросить вас проследить за лучом света, – сказал я, доставая карманный фонарик и удерживая в нескольких дюймах от его лица, чуть выше уровня глаз. – Следите за ним одними глазами, головой не шевелите, – добавил я. – Вам это понятно?

Преподобный Грейди кивнул. Я смотрел, как расширяются зрачки, как следуют за лучом света, отметил крайнюю точку нистагма, когда перевел луч света к левому уху.

– Спасибо, преподобный. А теперь не могли бы вы встать на правую ногу, вот так? – Я изобразил, и он поднял левую ногу. Священник покачнулся, но держался прямо. – А теперь левую, – сказал я, и на этот раз он накренился вперед.

– Хорошо, преподобный, и последнее – могли бы вы пройти сначала на пятках, потом на носках?

Я продемонстрировал ему, а потом смотрел, как он идет, путаясь в ногах.

Бэнктон был столь крошечным, что нам не требовалась на дежурстве помощь напарника. Возможно, мне стоило отпустить преподобного Грейди: никого мудрее у нас не было, и, может, он замолвил бы за меня словечко на небесах. Но отпустить его значило бы обмануть себя, а это не менее тяжкий грех. Кто мог ехать по дороге, которая вела к его дому... подросток, который возвращался со свидания? Отец, прилежавший в город из командировки? Мать с больным ребенком, которая направлялась в больницу? Я пытался спасти не преподобного Грейди, а людей, которые могли пострадать.

– Мне очень не хочется этого делать, преподобный, но мне придется арестовать вас за вождение в нетрезвом виде.

Я зачитал священнику права и аккуратно повел к своему внедорожнику.

– А что с моей машиной?

– Ее заберет эвакуатор. Приедете за ней завтра.

– Но завтра воскресенье!

Мы были в полумиле от участка – своего рода благословение, ведь я не мог бы вытерпеть непринужденной беседы со священником, после того как арестовал его. В участке я прошел по основному протоколу, который подразумевал информирование задержанного, и сообщил преподобному Грейди о проведении теста на наличие алкоголя в крови.

– Вы имеете право пройти похожий тест под наблюдением другого человека на ваш выбор, – предложил я. – Вы также можете потребовать дополнительный тест, если вы пожелаете. Если вы не пройдете тест по распоряжению сотрудника правоохранительных органов, то вас могут лишить водительского удостоверения сроком на сто восемьдесят дней, исключая лишение прав, если вас признают виновным за вождение в нетрезвом виде.

– Нет, Шон, я доверяю тебе, – сказал преподобный Грейди.

Меня не удивило, когда алкотестер показал пятнадцать делений.

Моя смена заканчивалась, и я предложил довезти священ-

ника домой. Дорога петляла передо мной, я миновал церковь и поехал вверх по холму к небольшому белому строению, которое служило пастору домом. Припарковался на подъезде и помог ему проделать как можно более прямой путь до двери.

– Я был сегодня на поминках, – сказал он, поворачивая ключ в замке.

– Преподобный, – вздохнул я, – не нужно объяснять.

– Парнишке было всего двадцать шесть. В прошлый вторник он попал в аварию на мотоцикле. Возможно, ты слышал об этом. Я знал, что поеду домой. Но у матери паренька разрывалось сердце, братья потрясены потерей. Я хотел почтить его память, а не оставлять их наедине с утратой.

Я не желал это слушать и брать на себя чужие проблемы. Но понял, что киваю.

– Пара тостов, пара стаканов виски, – сказал преподобный Грейди. – Шон, не мучайся из-за этого. Я прекрасно знаю, что поступать правильно для других иногда значит делать то, что неправильно для тебя.

Дверь перед нами распахнулась. Раньше я не был в доме пастыря. Я оказался в тесном, но уютном пространстве; псалтыри в рамках украшали стены, на кухонном столе стояла хрустальная миска с «M&M's», а над диваном висел плакат «Патриот».

– Я лучше прилягу, – пробормотал преподобный Грейди, вытянувшись на диване.

Я снял с него обувь и накрыл одеялом, которое нашел в гардеробной.

– Спокойной ночи, преподобный.

Его глаза слегка приоткрылись.

– Встретимся завтра на мессе?

– Точно, – сказал я, но преподобный Грейди уже храпел.

Когда я сказал Шарлотте, что хочу следующим утром сходить в церковь, она спросила, хорошо ли я себя чувствую. Обычно ей приходилось затаскивать меня на мессу, но мне хотелось узнать, упомянет ли преподобный Грейди в своей проповеди нашу ночную встречу. «Грехи отцов, так бы он назвал это», – подумал я и подавил смешок. Шарлотта, сидевшая на скамье рядом, ущипнула меня. «Ш-ш-ш», – одними губами показала она.

Я не любил походы в церковь из-за пристальных взглядов окружающих. Сострадание и жалость были слишком близкими понятиями. Я слушал, как старушка распиналась, что молится за тебя, улыбался и благодарил ее, но внутри все бурлило. Кто просил ее молиться за тебя? Она разве не знала, что я достаточно молился сам?

Шарлотта сказала, что предложение о помощи не всегда говорило о твоей слабости и полицейский должен об этом знать. Но знаешь, что я думал, когда спрашивал заблудившегося приезжего, нужно ли подсказать ему путь, или предлагал избитой мужем женщине свою визитку? Соберись уже

и реши проблему, в которую ты сам себя загнал! На мой взгляд, была огромная разница между адом, в котором ты оказываешься неожиданно и который создаешь сам.

Преподобный Грейди вздрогнул, когда органист запел гимн, все громче и громче, и я стер с лица улыбку. Вместо того чтобы давать бедолаге стакан воды прошлой ночью, нужно было развести ему антипохмелин.

За нашими спинами закричал ребенок. Я даже порадовался тому, что сейчас все внимание не на нашей семье. Родители яростно зашептались, решая, кто из них унесет ребенка из церкви.

Амелия сидела рядом. Она толкнула меня в бок и изобразила, что ей нужна ручка. Я потянулся в карман и передал ей шариковую ручку. Перевернув ладонь, дочь провела шесть крошечных веточек и петлю висельника. Я улыбнулся и написал на ее коленке букву «А».

Она написала: «_A_A_A».

«М», – вывел я пальцем в воздухе.

Амелия покачала головой.

«Т»?

«_АТА_А».

Я попробовал «Л», «П» и «Р», но безуспешно. «С»?

Амелия просияла и добавила в ребус «САТА_А».

Я громко засмеялся, и Шарлотта недовольно посмотрела на нас; в ее глазах сквозил упрек. Амелия взяла ручку и дописала «Н», потом подняла руку, чтобы я мог увидеть слово.

В тот момент ты громко и отчетливо спросила: «Что такое Сатана?», а твоя мать покраснела, схватила тебя на руки и поспешила наружу.

Через несколько секунд за вами последовали и мы с Амелией. Вы с Шарлоттой сидели на ступеньках церкви, держа ребенка, который прокричал всю мессу.

– Что вы здесь делаете? – спросила она.

– Решили, что здесь безопаснее, если ударит молния. – Я улыбнулся, глядя на младенца, который тянул в рот траву. – У нас прибавление в семье?

– Его мать в дамской комнате, – сказала Шарлотта. – Амелия, пригляди за своей сестрой и малышом.

– Мне за это заплатят?

– Не верю, что тебе хватило наглости спросить это после того, что ты только что учинила во время мессы. – Шарлотта поднялась. – Давай прогуляемся.

Я пошел рядом с женой. От Шарлотты всегда пахло сахарным печеньем – позже я узнал, что это ваниль, которую она втирала в запястья и за ушами, идеальный парфюм для кондитера. Отчасти из-за этого я влюбился в нее.

Вот новости для прекрасной половины человечества: если вы считаете, что нам нужна девушка вроде Анжелины Джоли, худая и угловатая, правда в том, что мы скорее удобно устроимся в объятиях женщины вроде Шарлотты – мягкой и уютной, которая может не замечать следы муки на юбке весь день или не переживать об этом, даже когда идет на встречу

с родительским комитетом. Ее можно сравнить не с экзотическим отпуском, а скорее с домом, в который хочется вернуться.

– Знаешь что?! – радостно воскликнул я, обнимая ее. – Жизнь чудесна. Сегодня прекрасный день, я вместе с семьей, а не сижу в этой церкви, как в пещере...

– Уверена, преподобному Грейди тоже понравилась маленькая выходка Уиллоу.

– Поверь мне, у преподобного Грейди куда более серьезные проблемы.

Мы пересекли парковку, идя по заросшему клевером полю.

– Шон, – сказала Шарлотта, – мне нужно кое в чем признаться.

– Может, следовало сделать это внутри церкви.

– Я снова ходила к юристу.

Я замер:

– Что ты сделала?

– Я встречалась с Марин Гейтс, насчет иска о неправомерном рождении.

– Боже мой, Шарлотта!

– Шон! – Она метнула взгляд в сторону церкви.

– Как ты могла? Пошла туда, не спросив меня, будто мое мнение ничего не значит.

Она скрестила руки на груди:

– А что насчет моего мнения? Разве оно не важно для те-

бя?

– Конечно важно, но мнение какого-то паразитирующего юриста меня, черт подери, не волнует! Разве не видишь, что им нужно? Деньги, все просто и понятно. Им нет дела до тебя, меня или Уиллоу, их не волнует, кто проиграет во время процесса. Мы лишь средство достижения цели. – Я шагнул к ней. – Да, у Уиллоу есть проблемы, но у кого их нет? Есть дети с СДВГ⁴ и дети, которые убегают ночью из дому, чтобы покурить и выпить, дети, которых бьют в школе за то, что они любят математику. Где их родители, которые винят других, чтобы получить деньги?

– Как же ты собирался засудить «Дисней уорлд» и государственные учреждения во Флориде ради денег? В чем разница?

Я вздернул подбородок:

– Они принимали нас за дураков.

– Что, если и врачи тоже? – возразила Шарлотта. – Что, если Пайпер допустила ошибку?

– Тогда она допустила ошибку! – Я пожал плечами. – Могло ли это изменить конечный результат? Знай ты обо всех переломах, о вызовах неотложки, обо всем, что нам придется сделать ради Уиллоу, ты бы меньше желала ее появления на свет?

Она открыла рот и тут же раздумала продолжать.

Это чертовски меня напугало.

⁴ Синдром дефицита внимания при гиперактивности.

– Ну и пусть она все время в гипсе, – сказал я, потянувшись к руке Шарлотты. – Она также знает название каждой косточки в чертовом теле, ненавидит желтый цвет и сказала мне вчера вечером, что, когда вырастет, хочет стать пчеловодом. Она наша малышка, Шарлотта. Нам не нужна помощь. Мы пять лет прожили с этим, дальше справимся сами.

Шарлотта отстранилась:

– Что значит «мы», Шон? Ты уходишь на работу. Вечером идешь играть с друзьями в покер. А говоришь так, будто проводишь с Уиллоу двадцать четыре часа в сутки, но ты и понятия не имеешь, каково это.

– Тогда мы найдем медсестру. Помощника...

– И чем будем платить? – фыркнула Шарлотта. – Если так подумать, сможем ли мы позволить себе новую машину, достаточно просторную для кресла, ходунков и костылей Уиллоу, когда наш фургон пройдет двести тысяч миль? Чем будем платить за операции, которые не покроет страховка? Как убедимся, что у нашей дочери в доме будет пандус для инвалидов и достаточно низкая кухонная раковина для инвалидного кресла?

– Хочешь сказать, я не могу обеспечить своего ребенка? – спросил я на повышенных тонах.

Шарлотта лишилась всего запала:

– Ох, Шон! Ты самый лучший отец на свете. Но ты... не мать.

Раздался визг, и, повинувшись инстинктам, мы с Шарлоттой

побежали через парковку, ожидая увидеть Уиллоу на тротуаре с торчащей из кожи костью. Вместо этого Амелия держала плачущего младенца на расстоянии вытянутой руки, на ее кофте появилось пятно.

– Он срыгнул на меня! – завывала она.

Из церкви к ним спешила мать ребенка.

– Простите меня, – сказала она нам, а Уиллоу сидела на земле и смеялась над неудачей сестры. – Возможно, он приболел...

Шарлотта шагнула вперед и забрала ребенка у Амелии.

– Может, это вирус, – сказала Шарлотта. – Не беспокойтесь. Так бывает.

Она отступила на шаг, а женщина протянула Амелии салфетки, чтобы стереть пятно.

– Разговор закончен, – буркнул я Шарлотте. – И точка.

Жена покачала ребенка на руках.

– Конечно, Шон, – легко согласилась она. – Как скажешь.

К шести вечера Шарлотта подхватила ту же заразу, что и ребенок; ее выворачивало наизнанку. Она заперлась в ванной комнате, опустошая желудок. Я собирался идти в ночную смену, но теперь стало ясно как день, что этому не бывать.

– Амелии нужно помочь с домашним заданием по естествознанию, – выдохнула Шарлотта, вытирая лицо холодным полотенцем. – И девочкам нужно пообедать...

– Я об этом позабочусь, – сказал я. – Что еще тебе нужно?

– Умереть? – простионала Шарлотта и отпихнула меня с дороги, чтобы снова обняться с унитазом.

Я попятился из ванной, закрывая за собой дверь. Ты сидела на диване в гостиной и ела банан.

– Ты испортишь аппетит, – сказал я.

– Я не ем банан, папочка. А чиню его.

– Чинишь, – повторил я.

На столе перед тобой лежал нож, которого здесь быть не должно: я сделал мысленную пометку поругать за это Амелию. По центру банана шел разрез.

Ты открыла ремонтный чемоданчик, который мы привезли из номера отеля во Флориде, достала иглу с ниткой и стала зашивать банановую кожуру.

– Уиллоу, что ты делаешь?

Ты заморгала, глядя на меня:

– Операцию.

Ты сделала несколько швов под моим надзором – я хотел убедиться, что ты не поранишься, потом пожал плечами. Разве мог я встать на пути науки.

Амелия сидела за кухонной столешницей с маркерами, клеем и куском ватмана.

– Не хочешь сказать, откуда у Уиллоу нож для фруктов?

– Она попросила.

– А если бы она попросила бензопилу, ты бы принесла ее из гаража?

– Для банана это перебор, не находишь? – Амелия вздохнула, глядя на свой проект. – Какая чушь! Я должна сделать настольную игру о системе пищеварения. Все будут смеяться надо мной, потому что известно, в какую дыру все утекает!

– Забавно, что тебе придется говорить об этом.

– УЖАСНО, пап!

Я вынул посуду из-под столешницы, поставил на плиту сковороду:

– Как насчет блинов на обед?

Выбора особого не было: я знал лишь, как готовить блины, а еще сэндвичи с арахисовым маслом и вареньем.

– Мама пекла блинчики на завтрак, – пожаловалась Амелия.

– Вы знаете, что рассасывающиеся нити делают из кишок животных? – вклинилась в разговор ты.

– Нет, и лучше бы не знал...

Амелия намазала клей на постер.

– Маме лучше?

– Нет, малыш.

– Но она обещала нарисовать пищевод.

– Я могу помочь, – сказал я.

– Ты не умеешь рисовать, пап. Когда мы играем в картинки-ассоциации, ты всегда рисуешь дом, хотя это никак не связано с ответом.

– Разве тяжело нарисовать пищевод? Это ведь труба, верно? – Я порылся в поисках коробки «Бисквик».

Раздался грохот, нож закатился под диван. Ты неловко повернулась.

– Стой, Уиллс, я подниму! – крикнул я.

– Мне он больше не нужен, – сказала ты, все еще извиваясь.

Амелия вздохнула:

– Уиллоу, перестань вести себя как ребенок, иначе надуешь в штаны.

Я перевел взгляд с твоей сестры на тебя:

– Тебе нужно в туалет?

– Она делает такое лицо, когда терпит...

– Амелия, хватит! – Я прошел в гостиную и сел на корточки рядом с тобой. – Милая, тебе не нужно смущаться.

Ты поджала губы:

– Я хочу, чтобы меня отвела мама.

– Мамы тут нет, – фыркнула Амелия.

Я подхватил тебя с дивана, чтобы отнести в ванную комнату на первом этаже. Просунул в проем твои нелепо расставленные из-за гипса ноги, когда ты сказала:

– Ты забыл мусорные пакеты.

Шарлотта рассказывала, как подкладывала их под гипс перед походом в туалет. За все время твоего пребывания в «ортопедических штанах» эта обязанность обходила меня стороной. Ты очень смущалась, что мне придется снимать твои штаны. Я завернул за угол к шкафчику, где Шарлотта хранила коробку мусорных пакетов для кухни.

– Ладно, – сказал я. – Я новичок, так что руководи.

– Поклянись, что не будешь подглядывать.

– Положа руку на сердце!

Ты развязала узел, державший гигантские трусы боксеры, которые мы натянули поверх гипсовых штанов. Я поднял тебя, и они сползли вниз. Когда я снял их, ты взвизгнула:

– Смотри наверх!

– Хорошо! – Я решительно уставился тебе в глаза, стараясь убрать шорты, потом поднял мусорный пакет, который нужно подложить в паховой зоне. – Хочешь сделать это сама? – покраснев, спросил я.

Я поднял тебя подмышки, пока ты пыталась уложить целлофан вдоль гипса.

– Готово, – сказала ты, и я разместил тебя над унитазом.

– Нет, чуть назад, – сказала ты.

Я подстроился и стал ждать.

И ждать.

– Уиллоу, – сказал я, – давай уже.

– Не могу. Ты слушаешь.

– Я не слушаю...

– Слушаешь.

– Мама же слушает...

– Это другое, – сказала ты и расплакалась.

Стоило открыться одним каналам, как распахнулись и другие. Я опустил взгляд на унитаз, но ты заплакала громче.

– Ты сказал, что не будешь подглядывать!

Я устремил взгляд на север, переложил тебя на левую руку, а правой потянулся за туалетной бумагой.

– Пап! – прокричала Амелия. – Мне кажется, что-то горит...

– Вот черт! – выругался я, отдаленно подумав о банке для ругательств, и вложил в твою ладонь бумагу. – Поторопись, Уиллоу, – сказал я, потом нажал на смыв.

– Мне н-н-нужно пом-м-мыть руки, – заикаясь, захныкала ты.

– Позже! – резко сказал я и отнес тебя обратно на диван, сложив шорты у тебя на бедрах, прежде чем помчаться на кухню.

Амелия стояла перед плитой, где превращались в угли блинчики.

– Я выключила конфорку, – сказала дочь, кашляя от дыма.

– Спасибо.

Она кивнула и потянулась к столешнице за... Это то, что я подумал? Амелия села и подняла клеевой пистолет. Она приклеила почти тридцать моих крутых фишек от покера по краю постера.

– Амелия! – закричал я. – Это мои покерные фишки!

– У тебя их целая куча. А мне всего-то и нужно парочку...

– Разве я разрешал их трогать?

– Но и не запрещал, – сказала Амелия.

– Папочка, – позвала ты из гостиной, – мои руки!

– Хорошо, – выдохнул я. – Хорошо. – Я досчитал до десяти.

ти, потом отнес сковороду к мусорному ведру, чтобы выбросить содержимое. Металлический край обжег мое запястье, и я выронил сковороду. — Черт подери! — выкрикнул я и включил холодную воду, подставляя руку под струю.

— Я хочу помыть руки! — завывала ты.

— Ты должен Уиллоу четвертак, — сказала Амелия, подболевшись.

К девяти часам вы уснули, кастрюли были вымыты, мерно гудела посудомоечная машина. Я обошел дом, выключая свет, потом прокрался в темную спальню. Шарлотта лежала, забросив за голову руку.

— Тебе не нужно ходить на цыпочках, — сказала она. — Я не сплю.

Я опустился на кровать рядом с ней:

— Тебе лучше?

— Я совершенно опустошена. Как девочки?

— Хорошо. Хотя с прискорбием сообщаю, что пациент, которого оперировала Уиллоу, не выжил.

— Что?

— Ничего. — Я перекатился на спину. — На обед у нас было арахисовое масло и варенье.

Она рассеянно похлопала меня по руке:

— Знаешь, что я обожаю в тебе?

— Что?

— Рядом с тобой я кажусь такой хорошей...

Я завел руки за голову и уставился в потолок:

– Ты больше ничего не печешь.

– Да, но у меня не сгорают блинчики, – сказала Шарлотта, слегка улыбнувшись. – Амелия настучала на тебя, когда заходила пожелать мне спокойной ночи.

– Я серьезно. Помнишь, как ты делала раньше крем-брюле, пtifур и шоколадные эклеры?

– Полагаю, на первом месте оказались дела поважнее, – ответила Шарлотта.

– Ты повторяла, что однажды у тебя будет своя пекарня. Ты хотела назвать ее «Силлабл»...

– «Силлабаб», – поправила она.

Может, я и не запомнил название, но знал его значение, потому что я спрашивал: силлабаб – это старинный английский десерт, парное молоко от коровы добавляли прямо в ведро с сидром или хересом. Получалось что-то вроде гогль-моголя, – сказала мне Шарлотта и пообещала приготовить на пробу, и в ту ночь обмакнула палец в сладкий крем и провела по моей груди, собирая его поцелуями.

– Вот что бывает с мечтами, – сказала Шарлотта. – На их пути встает жизнь.

Я сел, приглаживая пальцем шов на лоскутном одеяле:

– Я мечтал о доме, о своем дворе, о ребятишках. Что мы будем ездить иногда на отдых. О хорошей работе. Хотел быть тренером по софтболу и возить своих девочек покататься на лыжах. Разве думал я, что буду знать по имени каждого чер-

това врача в травмпункте Портсмута. – Я повернулся к жене. – Может, я с ней и не все время, но, когда случается перелом, Шарлотта, я буквально ощущаю его. Клянусь! Я бы сделал для нее что угодно.

Она повернулась ко мне лицом:

– Правда?

Между нами будто лежал этот груз: судебный иск, самая болезненная тема.

– Это кажется... отвратительным. Как сказать, что мы ее не любили, потому что она... такая, какая есть.

– Нет, это потому, что она желанна, потому, что мы любим ее, вот что заставило меня подумать об этом, – возразила Шарлотта. – Я не дура, Шон. Знаю, что люди станут судачить, скажут, что я просто хочу получить огромную выплату. Будут считать меня самой худшей матерью в мире, самой эгоистичной, ты это понимаешь. Но мне плевать, что они скажут обо мне, – важнее Уиллоу. Мне хочется быть уверенной, что она сможет пойти в колледж и жить самостоятельно, занимаясь тем, о чем мечтает. Пусть весь мир считает меня отвратительной. Разве важно, что говорят другие, если в душе я знаю, почему поступаю так? – Она развернулась ко мне лицом. – Я потеряю из-за этого лучшую подругу. Я не хочу потерять и тебя.

Прежде, когда Шарлотта еще была кондитером, меня всегда удивляло, как эта крошечная женщина тащит пятидесятифунтовый мешок муки. Внутри нее жила сила, выходящая

за рамки моих физических способностей. Я видел мир в черно-белых тонах, поэтому и работал копом. Но что, если этот иск с его неприглядным названием всего лишь средство достижения цели? Мог ли он лишь казаться неправильным, но быть бесспорно правым?

Я положил ладонь поверх руки Шарлотты.

– Ты и не потеряешь, – сказал я.

Шарлотта

Конец мая 2007 года

Первые твои семь переломов случились еще до того, как ты появилась в этом мире. Следующие четыре после рождения, когда медсестра забрала тебя от меня. Еще девять, когда тебя вернули к жизни в реанимации, после остановки сердца. Десятый: когда ты лежала у меня на коленях и я вдруг слышала треск. Одиннадцатый, когда ты перекатилась на бок и задела ручкой край кровати. Двенадцатый и тринадцатый были переломами бедер, четырнадцатый – перелом большеберцовой кости, пятнадцатый – компрессионный перелом позвоночника. Шестнадцатый, когда ты спрыгнула с крыльца, семнадцатый, когда на площадке в тебя врезался ребенок, восемнадцатый, когда ты поскользнулась на конверте от диска, который валялся на полу. Мы до сих пор не знаем, что вызвало девятнадцатый. Двадцатый случился, когда Амелия прыгала на кровати, где ты сидела, двадцать первый – футбольный мяч сильно ударил тебя по левой ноге, на двадцать втором я узнала, что есть водонепроницаемый гипс, и купила столько, что хватило бы на целую больницу, а теперь все валялось в гараже. Двадцать третий случился, когда ты спала, двадцать четвертый и двадцать пятый, когда ты упала в сугроб и сломала оба предплечья сразу. Двадцать

шестой и двадцать седьмой оказались сложными; перелом малоберцовой и большеберцовой кости, наружный, случился прямо в детском саду на празднике в честь Хэллоуина, и по иронии судьбы ты была в костюме мумии, бинты от которой я использовала, чтобы наложить шину. Двадцать восьмой случился, когда ты чихнула, двадцать девятый и тридцатый были переломами ребер о край кухонного стола. Тридцать первый – перелом бедра, где потребовались металлическая пластина и шесть шурупов. После этого я их не считала, вплоть до переломов в «Дисней уорлд», которым мы дали прозвища Микки, Дональд и Гуфи.

Четыре месяца твои «ортопедические штаны» представляли собой двустворчатую раковину из гипса. Потом его поделили надвое и закрепили дешевыми зажимами, которые быстро ломались, поэтому я заменила их яркими липучками. Мы постепенно убрали верхнюю часть, чтобы ты могла сидеть, как моллюск на половине раковины. Предстояло тренировать мышцы живота и икроножные, которые заметно ослабли. Если верить доктору Розенбладу, тебе осталось провести «на дне раковины» еще пару недель, потом гипс оставляли бы только на ночь. Через восемь недель ты бы могла стоять с ходунками, а через четыре недели ходить сама в ванную комнату.

Но главное – ты могла вернуться в подготовительную школу, частное заведение, где занятия проводили по два часа каждое утро на цокольном этаже церкви. Ты была на год

старше других детей в классе, но так много пропустила из-за переломов, что мы решили оставить тебя еще на один год: ты читала как в шестом классе, но тебе требовалась социализация со сверстниками. Друзьями ты не обзавелась: дети либо боялись твоего инвалидного кресла и ходунков, или, что весьма странно, завидовали гипсу, в котором ты приходила в школу. Сейчас я ехала в церковь, поглядывая в зеркало заднего вида.

– И чем ты займешься в первую очередь?

– Рисовым столиком. – (Мисс Кэти, которую ты возвела почти на одну ступень обожания с Иисусом, установила огромную песочницу, наполненную разноцветными рисовыми зернами, которые дети могли сортировать в разные по размеру контейнеры. Тебе нравилось их шуршание, ты говорила, что это напоминает тебе дождь.) – И парашютом.

В этой игре ребенок забегал под яркий шелковый круг, а другие держали лоскут за края.

– Придется немного подождать, Уиллс, – сказала я, заезжая на парковку. – Каждый день по чуть-чуть.

Я выгрузила твое инвалидное кресло из багажника фургона и усадила тебя, затем повезла вверх по пандусу, который установили у входа в школу летом, когда тебя туда зачислили. Другие ученики уже вешали куртки в шкафчики, мамочки скатывали в трубочки высохшие картинки с пальчиковыми рисунками, которые висели на штанге для одежды.

– Ты вернулась! – улыбнулась тебе женщина и посмотре-

ла на меня. — У Келси на прошлых выходных был день рождения, и она оставила угощение для Уиллоу. Мы бы ее пригласили, но мы отмечали в «Гимнастическом домике», и я подумала, что она... ну... будет чувствовать себя одиноко.

«Вместо того чтобы получить приглашение?» — подумала я, но улыбнулась:

— Так заботливо с вашей стороны.

Какой-то мальчик тронул твои «ортопедические штаны».

— Ух ты! — выдохнул он. — А как ты пишешь в этой штучковине?

— Я этого не делаю, — сказала ты без улыбки. — Четыре месяца не мочилась, Дерек, поэтому лучше тебе быть поосторожнее, я могу в любую минуту взорваться, как вулкан.

— Уиллоу, — буркнула я, — не нужно быть язвительной.

— Он первый начал...

Услышав шум по поводу нашего прибытия, в холл вышла мисс Кэти. Ее глаза чуть распахнулись, когда она увидела тебя в двусторчатом гипсе, но учительница быстро взяла себя в руки.

— Уиллоу! — сказала она, опускаясь на колени, на один уровень с тобой. — Как здорово снова увидеться с тобой! — Она позвала свою помощницу, мисс Сильвию. — Сильвия, можешь присмотреть за Уиллоу, пока мы поговорим с ее мамой?

Я последовала за учительницей по коридору, минуя ванные комнаты с их невероятно неудобными туалетами, до ка-

бинета, смежного с музыкальным залом и спортзалом.

– Шарлотта, – сказала Кейт. – Должно быть, я неправильно вас поняла. Когда вы позвонили мне и сказали, что Уиллоу возвращается, я решила, что она уже без гипса!

– Она скоро будет без него. Это дело времени, – улыбнулась я. – Она так рада возвращению.

– Мне кажется, вы торопите события...

– Все правда в порядке. Ее нужно занять. Даже если у Уиллоу будет новый перелом, несколько недель веселья все лучше, чем нахождение дома. И не нужно волноваться, что другие дети ей навредят. Мы с ней можем побороться, можем друг друга пощекотать.

– Да, но вы делаете все это дома, – заметила учитель. – В школьном окружении... это куда более рискованно.

Я отступила на шаг, поняв ее недвусмысленные слова: «Мы несем ответственность, когда она на нашей территории». Несмотря на закон об американских гражданах с инвалидностью, я время от времени читала на онлайн-форумах частных школ по НО, что ребенок на реабилитации должен оставаться дома, очевидно, ради самого ребенка, но, скорее всего, потому, что в таком случае возрастает страховка. Тупиковая ситуация: по закону ты мог подать в суд за дискриминацию, но в таком случае, даже если ты выиграешь дело, к твоему ребенку станут относиться предвзято, когда он вернется к учебе.

– Более рискованно для кого? – спросила я, и меня бро-

сило в жар. — Я заплатила взнос, чтобы моя дочь здесь училась. Кейт, вы чертовски хорошо знаете, что не стоит говорить мне, будто ей тут не рады.

— Я с удовольствием возьму оплату за пропущенные месяцы. И я бы никогда не сказала, что Уиллоу здесь не рады. Мы ее любим и скучали по ней. Просто хотим убедиться, что она в безопасности. — Учительница покачала головой. — Посмотрите на это с нашей стороны. В следующем году, когда Уиллоу будет в подготовительном классе начальной школы, она получит полноценную помощь. Здесь у нас нет таких возможностей.

— Тогда я сама буду ее сопровождать. Останусь с ней. Просто дайте ей... — Мой голос надломился, как хрупкая веточка. — Дайте ей почувствовать себя нормальной.

Кейт посмотрела на меня:

— Думаете, так она будет себя чувствовать, зная, что только она пришла на занятия с мамой?

Лишившись дара речи — и бурля от ярости, — я прошагала по коридору обратно. Оставшаяся с тобой мисс Сильвия рассматривала липучки, которые ты ей показывала.

— Нам пора, — сказала я, сглатывая слезы.

— Но я хочу поиграть за рисовым столиком...

— Знаешь что? — сказала Кейт. — Мисс Сильвия наберет целый мешок, чтобы ты могла взять с собой домой! Уиллоу, спасибо, что заехала поздороваться со всеми своими друзьями.

Ты растерянно повернулась ко мне:

– Мамочка, почему мы не можем остаться?

– Поговорим об этом позже.

Мисс Сильвия вернулась с пластиковым пакетом, наполненным фиолетовыми зернами риса:

– Держи, сладкая.

– Скажите мне, – проговорила я, переводя взгляд с одной учительницы на другую, – зачем такая жизнь, если ее даже не прожить нормально?

Я вытолкнула кресло из помещения школы. От злости я даже не сразу поняла, что ты притихла. Когда мы добрались до фургона, в твоих глазах стояли слезы.

– Все хорошо, мамочка, – сказала ты с такой безропотностью, какую не мог бы позволить себе пятилетний ребенок. – Я и сама не хотела оставаться.

Это была ложь. Я знала, как сильно ты ждала встречи с друзьями.

– Знаешь, когда в воду бросаешь камешек, вода движется по кругу, но не касается его, будто его нет, – сказала ты. – Вот как повели себя другие дети, когда ты говорила с мисс Кэти.

Разве эти учителя или эти дети не видели, как легко травмировать тебя? Я поцеловала тебя в лоб.

– Мы с тобой так повеселимся днем, – пообещала я, – что тебе мало не покажется. – Я нагнулась, чтобы поднять тебя с инвалидного кресла, но тут расстегнулась одна из липучек. – Вот неудача! – буркнула я, и когда посадила тебя на бедро,

ты уронила свой пакет.

– Мой рис! – воскликнула ты, инстинктивно завертевшись у меня на руках, чтобы дотянуться до него.

В этот момент я услышала хруст, похожий на сломанную ветку. Так еще хрустит осеннее яблоко, если его укусить.

– Уиллоу? – произнесла я, но поняла все и так: сверкнули белки твоих глаз, голубые, как молнии, и ты уплывала прочь от меня в сонную прострацию, которая настигала тебя при особенно неудачном переломе.

Когда я усадила тебя на заднее сиденье фургона, ты уже закрыла глаза.

– Малыш, скажи, когда будет больно, – попросила я, но ты не ответила.

Начиная с запястья, я аккуратно прощупала твою руку, стараясь найти мягкий участок. Я дошла до выемки под плечом, когда ты всхлипнула. Но ты и раньше ломала руку. Сейчас не было сквозного перелома или вывернутой под углом в девяносто градусов кости, как и других признаков серьезной травмы, из-за которой ты могла впасть в ступор. А вдруг кость пронзила внутренний орган?

Я могу вернуться в школу и попросить их вызвать 911, но я и без «скорой помощи» знала, что нужно делать. Я порылась в кузове фургона и нашла старый журнал «Пипл». Используя его как шину, я перебинтовала предплечье с помощью эластичного бинта. Я стала молить о том, чтобы не пришлось накладывать гипс: от гипса уменьшалась плотность

костей, а место, где он заканчивался, становилось уязвимым для нового перелома. Мы могли бы обойтись ортопедическими ботинками «Ви Уокер», пневматической ортопедической шиной или лангетами в большинстве случаев, за исключением перелома бедра, позвонков или берцовой кости. Именно такие переломы заставляли тебя замереть, как сейчас. Такие переломы и меня заставляли мчаться в травмпункт, потому что я боялась трогать их сама.

Подъехав к больнице, я припарковалась на месте для инвалидов и понесла тебя в приемную.

– У моей дочери несовершенный остеогенез, – сказала я медсестре. – Она сломала руку.

Женщина поджала губы:

– Может, вы будете ставить диагноз после того, как получите медицинскую степень?

– Труди, какие-то проблемы? – Перед нами стоял врач, на вид такой молоденький, что, наверное, еще не пользовался бритвой, и смотрел на тебя. – Я слышал, вы сказали НО?

– Да, – проговорила я. – Думаю, это плечевая кость.

– Я позабочусь о них, – сказал врач. – Я доктор Девитт. Хотите посадить ее в кресло...

– Нам и так нормально, – сказала я и приподняла тебя на руках.

Пока он вел нас по коридору на рентген, я поведала ему твою медицинскую историю. Врач прервал меня лишь один раз – мило побеседовал с лаборанткой, чтобы нам побыстрее

освободили палату.

– Итак, – сказал врач, нависая над тобой, когда ты лежала на столе для рентгена, и положил руку на твое предплечье. – Я лишь немного пошевелю...

– Нет, – сказала я, делая шаг вперед. – Вы ведь можете придвинуть аппарат?

– Что ж, – озадаченно сказал доктор Девитт. – Обычно мы этого не делаем.

– Но ведь можете?

Он снова посмотрел на меня, потом настроил оборудование, опуская на твою грудь тяжелый свинцовый жилет. Пока делали снимок, я отошла в дальний угол комнаты.

– Отлично, Уиллоу. А теперь опусти руку пониже, – попросил врач.

– Нет! – возразила я.

Он раздраженно посмотрел на меня:

– Со всем уважением, миссис О'Киф, я должен выполнять свою работу.

Но я выполняла свою. Когда у тебя случался перелом, я старалась снизить количество рентгенов, иногда мы обходились без них, если они никак не влияли на исход лечения.

– Мы уже знаем, что у нее перелом, – убедительно сказала я. – Думаете, он смещен?

Глаза доктора распахнулись, когда я заговорила на его языке.

– Нет.

– Тогда не обязательно делать рентген малоберцовой и большеберцовой костей, разве не так?

– По-разному бывает, – признался доктор Девитт.

– Вы хоть понимаете, сколько рентгенов придется сделать моей дочери за всю жизнь? – спросила я.

Он скрестил руки на груди:

– Ваша взяла. Мы и впрямь не нуждаемся в рентгене нижней части руки.

Пока мы ждали снимка, я гладила тебя по спине. Ты медленно возвращалась с той глубины, на которую провалилась после перелома. Ты ерзала и всхлипывала. А еще дрожала, что лишь усиливало боль.

Я высунула голову в коридор и попросила лаборантку принести одеяло, чтобы накрыть тебя, а навстречу как раз шел доктор Девитт с твоими снимками.

– Уиллоу холодно, – сказала я, и он сбросил с себя белый халат и накинул тебе на плечи, как только вошел в палату.

– Хорошие новости, – сказал он, – другой перелом Уиллоу отлично заживает.

Какой другой перелом?

Я не сразу поняла, что сказала это вслух, но тут врач указал на твое предплечье. Рассмотреть было непросто – недостаток коллагена делал твою кожу бледно-молочной, – но там явно виднелась шишка, как при заживающей трещине.

Меня охватили угрызения совести. Ты получила травму, а я даже не заметила?

– Ему уже недели две, – задумчиво сказал доктор Девитт, и тут же я вспомнила: как-то ночью я несла тебя в ванную комнату и чуть не уронила. Ты тогда сказала, что все в порядке, но обманула меня ради моего же спокойствия.

– Уиллоу, я очень удивлен, что у тебя сломана одна из костей, которую сложнее всего сломать в человеческом теле, – лопатка. – Он показал на второй снимок, на трещину по центру лопаточной кости. – Она такая подвижная, что практически никогда не подвержена перелому от удара.

– И что нам теперь делать? – спросила я.

– Что ж, она уже в гипсовом корсете... Если мы не хотим перебинтовать ее как мумию, то лучше всего прибегнуть к поддерживающей повязке. Несколько дней поболит, но второй вариант напоминает жестокую и изощренную пытку. – Он бинтами закрепил твою руку на груди, как сломанное крыло птицы. – Не слишком туго?

Ты посмотрела на него снизу вверх:

– Однажды я сломала ключицу. Болело сильнее. А вы знаете, что ключица происходит от слова «ключик» не потому, что внешне похожа на него, а потому, что соединяет все остальные кости в груди?

Доктор Девитт открыл рот от удивления:

– Ты гений вроде Дуги Хаузера?⁵

– Она много читает, – улыбнулась я.

– Я знаю, что такое лопатка, стернум и мечевидный отросток.

⁵ Герой сериала «Доктор Дуги Хаузер», гениальный подросток.

сток, — добавила ты.

— Черт побери! — выдохнул доктор и вдруг покраснел. — То есть боже мой! — Он встретился взглядом со мной. — Она мой первый пациент с НО. Должно быть, это дико с моей стороны.

— Да, — сказала я, — дико.

— Что ж, Уиллоу, если ты захочешь работать тут в качестве стажера ортопедии, тут есть белый халат с твоим именем. — Врач кивнул мне. — А если вам понадобится с кем-нибудь поговорить... — Он достал визитку.

Я смущенно сунула ее в задний карман. Возможно, это был не акт доброй воли, а беспокойство за безопасность Уиллоу: доктор убедился в моей некомпетентности, два перелома запечатлелись на черно-белом снимке. Я сделала вид, что ищу что-то в сумке, но, по правде говоря, ждала, чтобы он ушел. Врач предложил тебе леденец на палочке и попрощался.

Разве могла я утверждать, что лучше для тебя, когда в любой момент могла столкнуться с нестандартной ситуацией и понять, что недостаточно защищала тебя? Собиралась я подать иск ради тебя или просто хотела загладить вину за то, что делала не так?

За то, что так сильно желала ребенка? Каждый месяц, когда у нас с Шоном снова не получалось зачать, я раздевалась и стояла под душем. Вода струилась по моему лицу, а я молилась Богу, просила подарить мне ребенка, любой ценой.

Я подняла тебя на руки и усадила на левое бедро, поскольку сломанным оказалось твое правое плечо. Мы вышли из смотровой палаты. Визитка врача прожигала дыру в моем заднем кармане. Я была так растеряна, что чуть не сбила с ног девочку, которая входила в двери больницы.

– Ах, дорогая, прости, – сказала я, отступая.

Она выглядела твоей сверстницей и держала за руку мать. На девочке была розовая балетная юбочка и резиновые сапоги с лягушатами. И совершенно лысая голова.

Ты сделала то, что сама больше всего ненавидела: пристально уставилась на девочку.

Та уставилась на тебя в ответ.

Ты с ранних лет поняла, что люди пялятся на девочку в инвалидном кресле. Я научила тебя улыбаться им, здороваться, чтобы они понимали, что ты человек, а не диковинка. Амелия защищала тебя яростнее всех: если она видела, что на тебя уставились дети, то подходила к ним и говорила, что, если не убирать в комнате и не есть овощи, с ними будет то же самое. Пару раз она доводила других детей до слез, и я практически не ругала ее, потому что ты улыбалась и направляла плечи, сидя в инвалидном кресле, а не старалась притвориться невидимкой.

Но сейчас была другая ситуация.

Я сжала твое запястье.

– Уиллоу... – проворчала я.

Мама девочки посмотрела на меня. Между нами пронес-

лись тысячи безмолвных слов. Она кивнула мне, и я ответила тем же.

Мы вышли из больницы этим весенним днем, в воздухе стоял запах корицы и асфальта. Ты прищурилась на солнце, попыталась поднять руку, чтобы прикрыть глаза, но вспомнила, что та примотана к телу.

– Мам, та девочка. Почему она так выглядела?

– Потому что она больна, и так бывает, когда принимаешь лекарства.

Ты обдумала это:

– Мне повезло... от моих лекарств не выпадают волосы.

Я всегда старалась не плакать в твоём присутствии, но на этот раз не сдержалась. У тебя были сломаны три конечности из четырех. У тебя заживала трещина, о которой я даже не догадывалась. Но в этом была вся ты.

– Да, тебе повезло.

Ты прижала мою ладонь к своей щеке.

– Все хорошо, мам, – сказала ты и, как делала я в травмпункте, погладила меня по спине, в том самом месте, которое у тебя было сломано.

Шон

– Стой, черт подери! – крикнул я и помчался через пустую парковку, держа в руках банку с краской-распылителем.

У подростка все же была фора, не говоря уже о разнице в тридцать лет, но я не собирался вот так упустить его. Пусть это убьет меня, что, судя по острой боли в боку, было недалеко от правды.

Стоял необычайно теплый для весны день, напомнивший мне, что значит быть подростком, слушать, как шлепают мимо девчонки в сланцах, направляясь мимо тебя к городскому бассейну. Признаюсь, во время перерывов на ланч я надевал шорты и ходил нырять. Мы уже давно не плавали в знак солидарности к тебе, поскольку ты не могла пойти в бассейн, находясь в «ортопедических штанах». Больше всего на свете ты хотела плавать, но так и не научилась из-за многочисленных переломов. Даже когда Шарлотта обнаружила гипс из стеклопластика, водонепроницаемый и ужасно дорогой, ты пропускала купальный сезон по той или иной причине. Когда Амелия вела себя как особо вредный подросток, она клялась, что направляется на вечеринку, в бассейн или на пляж, а ты потом весь день дулась. Помню день, когда ты заказала в интернет-магазине бассейн для участка, на что у нас не было ни земли, ни денег. Иногда мне казалось, что ты помещена на воде, замерзшей зимой или хлорированной

летом. Ты мечтала о том, что получить не могла.

Как и все мы, наверное.

Мои волосы были все еще влажными. Я вдохнул запах хлора, гадая, как спрятать его от тебя, когда приду домой. Окна в машине были опущены, пока я ехал к местному парку, где недавно отыграла Малая лига. И тут я заметил подростка, который рисовал граффити на скамейках запасных среди бела дня.

Не знаю, что разозлило меня больше: то, что паренек портил общественную собственность, или то, что он делал это прямо у меня под носом, даже не скрываясь. Я припарковался подальше и подкрался к нему сзади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.